

Юрий Михайлович Стеклов

[*Овший Моисеевич Нахамкис*]

(псевдоним - Ю.Невзоров

(27.08.1873, Одесса - 15.09.1941)

ПРУДОН,

(1809 - 1865)

ОТЕЦ АНАРХИИ

Издание Петроградского Совета
рабочих и красноармейских депутатов
Петроград, 1919

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2012

I.

Общий характер деятельности Прудона.

Среди социалистических писателей Прудон был одним из самых разносторонних и плодовитых. О чем только он не писал! О всемирном языке и о собственности, о политической экономии и об экономической политике, о государстве и церкви, о деяниях апостолов и о кредите, об Евангелии и о налогах. За все он брался с одинаковой смелостью и с ученым видом знатока, рубил с плеча, критиковал и осуждал, ломился в незапертые двери и открывал давно открытые Америки. И при этом, за исключением первых его произведений, он писал невозможно фразистым, напыщенным слогом, который делает чтение его произведений в настоящее время прямо мучительным. Для науки почти все его писания не представляют теперь никакого интереса. Но в свое время они производили эффект, возбуждали надежды у одних и негодование у других, делали их автора предметом нападок, карриатур, проклятий и восхвалений.

Теперь о Прудоне можно говорить спокойно. Слишком далеко отошел он в историю. И его писательскую деятельность можно было бы считать совершенно бесплодной, если бы некоторые его идеи не были подхвачены впоследствии анархистами и, в исправленном и дополненном виде, не вошли в обиход современности. Эту роль выполнил в особенности Бакунин, который сам неоднократно называл свое учение «анархической системой Прудона, нами (т.-е. Бакуниным) расширенной, развитой и освобожденной от всего ее метафизического, идеалистического и доктринерского убранства». Смешав механически положения Прудона с некото-

рыми положениями заимствованного у Маркса экономического материализма, Бакунин и создал свою систему, которая впоследствии дополнялась и развивалась анархистами, а в наши дни революционными синдикалистами. Эта рецепция идей Прудона и создала ему в известном смысле бессмертие.

С другой стороны целый ряд Прудоновских идей был подхвачен реакционерами. Последние заимствовали у него его критику коммунизма, демократии и всеобщего избирательного права. При этом получилось оригинальное явление: Прудон в потомстве как бы раздвоился, и идеи его потекли по двум руслам, соответствующим на первый взгляд двум наиболее расходящимся и наиболее враждебным социально-политическим течениям — революционно-синдикалистскому, представляющему крайние и озлобленные слои рабочего класса романских стран, и нео-роялистскому, представляющему самые крайние и озлобленные элементы докапиталистических общественных классов, поземельной аристократии, католического духовенства и т. п. Из дальнейшего изложения читатель убедится, что реакционеры гораздо более в праве считать одним из своих теоретических вдохновителей Прудона, чем синдикалистски настроенные рабочие.

А ведь было время, когда Прудон считался идеологом пролетариата. Это было после опубликования им своего сочинения «Что такое собственность?» (1841 г.). Особенное впечатление производило еще и то, что Прудон, в отличие от большинства тогдашних теоретиков социализма, сам вышел из трудовой среды. В частности молодой Маркс смотрел тогда на Прудона с благоговением. «Прудон, — говорил он, — не только пишет в интересах пролетариата, но он и сам пролетарий, ouvrier (рабочий). Его сочинение есть научный манифест французского пролетариата». Марксу казалось даже, что своей брошюрой Прудон «произвел целый переворот в политической экономии и впервые сделал возможно истинную политико-экономическую науку» («Литературное наследие», т. II).

Между тем, это наделавшее такого шума сочинение Прудона с чисто научной стороны не представляет никакого значения, прежде всего потому, что оно насквозь абстрактно. Даже Бакунин, который был горячим поклонником Прудона и сам до конца остался в сильной степени зараженным идеалистическими началами, заметил слабую сторону своего единомышленника и признавал, что в беспощадной критике, направленной против Прудона Марксом, было много правды. «Прудон, — говорил он, — несмотря на все свои старания стать на почву реальную, остался идеалистом и метафизиком. Его точка отправления—абстрактная идея права; от права он идет к экономическому факту», а не наоборот, как следо-

вало бы ¹⁾. Но не в этом была сила первого сочинения Прудона. Его историческое значение заключалось в резкости и дерзости заявлений, в смелом посягательстве на принцип буржуазного общества и, наконец, в происхождении самого автора. Здесь только намечена была программа дальнейших работ и в первую голову—знаменитых «Экономических противоречий», вышедших через 5 лет.

В этих «Экономических противоречиях», представляющих главное экономическое произведение Прудона, уже ясно наметилась эволюция автора. Оказалось, что он развился в идеолога не рабочего класса, а мелкой буржуазии. На ряду с критикой капиталистических отношений мы находим там не менее резкую критику идеологии рабочего класса, вызвавшую известный отзыв Маркса, остающийся справедливым и до сих пор: «Г. Прудон воображает, что критикует как политическую экономию, так и коммунизм, а на самом деле он стоит ниже как той, так и другого. Он ниже экономистов, так как воображает, что, в качестве философа, владеющего магической формулой, он может дерзнуть вдаваться в чисто экономические детали; он ниже социалистов, так как не имеет ни достаточной смелости, ни достаточных знаний, чтобы возвыситься, хотя бы лишь спекулятивно, над уровнем буржуазного кругозора. Он хочет быть синтезом, а в действительности оказывается лишь сложной ошибкой. Он хочет витать в качестве ученого над буржуа и пролетариями, а в действительности оказывается только мелким буржуа, вечно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом» («Нищета философии», изд. «Новый Мир», стр. 128).

Но если так оценил Прудона проницательный Маркс, то большинство современников, особенно из буржуазной среды, продолжало смотреть на него, как на крайнего революционера. Только дальнейшие события показали истинный характер Прудоновского революционизма. В февральской революции 1848 г. Прудон не принимал активного участия. Напротив, до революции он старался мнимонаучными рассуждениями доказать, что эра революций прошла и что французский рабочий класс о них и слышать не хочет. С тогдашними политическими вождями французских рабочих, с коммунистами и бланкистами, он вел самую ожесточенную борьбу. В июньских днях он участвовал в качестве напуганного и отнюдь не сочувствующего зрителя. Впрочем, к чести его должно сказать, что Прудон не только не приобщился к реакционному хору после поражения июньских инсургентов, но вел себя довольно мужественно в Национальном Собрании и развивал перед ним свои идеи «со-

¹⁾ Бакунин—„Государственность и анархия.“ Собр. соч., Спб., 1906, т. II, стр. 173—4.

циальной ликвидации» при помощи дарового кредита. Нам это кажется теперь смешным, но в то время было довольно опасным, так как считалось проявлением крайнего коммунизма и вызывало против Прудона бешенство восторжествовавшей реакции.

Если «поклонение сатане и анархии»¹⁾ не мешало Прудону в 1848 году поддерживать временное правительство против революционеров, Бланки с товарищами, как он сам в этом сознается в своей «Исповеди революционера» (стр. 83), то впоследствии он обнаружил еще большую политическую бесхарактерность, начав заигрывать со Второй Империей. В своей книге «Социальная революция, доказанная государственным переворотом», он под предлогом защиты интересов рабочего класса кокетничает с Бонапартом и старается доставить историческое оправдание злодейскому акту 2 декабря 1851 г. Неменьшую политическую бестактность «безансонский мужик» проявил в своей «Порнокрапии», где он с тупоумием ограниченного захоластного крестьянина напал на движение в пользу женской эмансипации, и в сочинении о Польше, где он безжалостно обрушился на истекавших кровью польских патриотов. Несомненно, что, если с одной стороны эти дикие выходы вытекали из общего духа его мировоззрения, то с другой — они объяснялись зудом оригинальничанья, стремлением плыть «против течения», не разбирая в каком обществе, и тщеславным желанием хоть чем-нибудь да отличиться от общего настроения.

На ряду с этими основными недостатками литературной и общественной деятельности Прудона совершенно бледнеют его заслуги, как, например, его нападки на католическую церковь, на буржуазный либерализм, его личная честность и т. п. В общей экономии социалистического движения он сыграл в гораздо большей степени отрицательную, чем положительную роль. И, например, пролетариат романских стран до сих пор не разделался еще с наследством Прудона, от которого сильно страдает теоретическая глубина и практическая сила рабочего движения в этих странах. Мы имеем здесь в виду те анархические идеи, которыми сильно заражено рабочее движение во Франции, Испании и Италии, от которых оно отделяется лишь постепенно и с большим трудом, и которые с каждым возвращением общественной реакции снова получают усиленное распространение и влияние.

¹⁾ Из отзывов Бакунина о Прудоне. Признавая умственное превосходство Маркса над Прудонем, Бакунин прибавляет: „с другой стороны Прудон гораздо лучше его понимал и чувствовал свободу. Когда Прудон не доктринерствовал и не впадал в метафизику, он обладал настоящим инстинктом революционера: он поклонялся сатане и провозглашал анархию“. (Из рукописи „Aux frères de l'Alliance en Espagne“, 1872, стр. 15—16).

II.

Идеология мелкой буржуазии.

Приступая к изучению идей какого-нибудь писателя, прежде всего интересно узнать, для кого он писал, на какие круги намеревался действовать, интересы каких слоев он брался защищать. Прудон смотрел на себя как на выходца из народа и полагал, что его происхождение дает ему право выступать в качестве естественного представителя этой многомиллионной безыменной массы. Известна его парламентская дуэль с Тьером, во время которой он горделиво указывал на то, что в числе его предков насчитывалось четырнадцать мужиков, пахавших землю, и спрашивал своего противника, в состоянии ли тот указать таких почтенных родоначальников.

Но что же представляет собою—не говорим—аудитория Прудона (последняя, кроме части рабочих и мелкой городской буржуазии, состояла, главным образом, из литературной братии и групп политических деятелей), — а та масса, во имя которой он писал, стремления которой он брался выяснять и интересы которой он хотел отстаивать?

Прудон, как и другие утописты, любил оперировать с туманным термином «народ», но и у него нелегко разобрать, какое социологическое содержание он вкладывал в этот термин. «Не какая-нибудь партия и не секта, — пишет он, — совершила революцию (1848 г.), а народ, народ, говорю я, помимо всяких партий и всяких сект: настоящий народ 89-го и 92-го и 1830 г.»¹⁾ Уже в этой цитате наглядно выражена вся путаница, царившая по этому пункту в голове Прудона; ибо всякий знает, что далеко не один и тот же «народ» совершал революцию 1789, 1792, 1830 и 1848 г., и что во всех перечисленных исторических событиях играли каждый раз решающую роль разные общественные классы, разные части французского «народа». Что же такое представляет собою этот таинственный народ? Вряд ли можно считать пояснением следующие слова Прудона: «Народ, т.-е. все вообще и никто в частности». Народ это—«коллективный человек»; но ведь и толпа, и сословие, и класс тоже человеческие коллективы. «Имейте в виду, — снова поясняет Прудон, — я говорю: единый и нераздельный народ; под этим я разумею не толпу, которая представляет лишь множественность без единства». Но только с буржуазной и особенно с промежуточной, мелкобуржуазной точки зрения народ един; в действительности, народ рас-

¹⁾ „Solution du Problème Social“, изд. 1868, стр. 5 и сл.

падает на отдельные классы. И Прудоновские определения показывают только, что он сознательно избегал классовой точки зрения в социалистическом смысле, а включая в народ и господствующие классы, становился на классовую точку зрения в буржуазном смысле. Является ли народом рабочий класс? Нет, Прудон противопоставляет «la classe ouvrière» народу, рассматриваемому в целом («peuple considéré dans son intégralité»). Буржуазия тоже входит в народ, и Прудон готов был даже признать ее «цветом народа» (quelque chose comme l'élite du peuple) и думать, что революция 1848 г. была совершена для того, чтобы открыть всем доступ в этот «цвет». Народ, — продолжает Прудон, — един и неразделен; «он ни большинство, ни меньшинство; он не толпа, он не раскалывается. Его воля... единодушна. Везде, где есть разделение, там нет народа»¹⁾.

Но ведь повседневный опыт показывает, что народ вовсе не един, что он распадается на классы с противоположными и враждебными интересами, и т. д. Так-то оно так; но, по мнению Прудона, во всем этом виновато государство. И не в том смысле, что оно создает или сохраняет привилегии (с этим согласился бы и Бакунин). Вина его начинается как раз с того момента, как оно, под давлением пролетариата, готово (хотя бы на словах) приступить к решению социальной проблемы, как это делало временное правительство в 1848 г. Тогда Прудон поднимает страшный крик: «Правительство разделяет народ; оно возбуждает вражду между входящими в его состав классами»²⁾. Еще бы, ведь народ един!

Что при таком понимании народа можно было говорить, что народ требует республики, это еще куда ни шло³⁾. За республику стояла тогда и масса буржуазии. Но сказать, что «народ за социальную революцию»⁴⁾, можно было только при своеобразном понимании «социальной революции». Здесь между Прудоном и последующими анархистами сходство лишь чисто словесное, формальное: по существу же они мыслят в совершенно различных плоскостях и вкладывают в схожие термины совершенно различное содержание. Бакунин, например, понимал под социальной революцией насильственное уничтожение государства и частной собственности. Прудон же думал, что социальная революция (его социальная рево-

¹⁾ *Ib.*, 15.

²⁾ *Ib.*, 42. Упрекая в этом членов временного правительства, Прудон замечает: «Требовалось одновременно успокоить собственность и дать гарантии пролетариату путем примирения их антагонизма; они же сталкивают их лбами и разжигают социальную войну». (*Ib.*, 20).

³⁾ *Ib.*, 17.

⁴⁾ *Ib.*, 23.

люция) должна закрепить, увековечить, «конституировать» частную собственность и превратить всех людей в буржуа¹⁾.

При всем том или именно благодаря тому, Прудону также свойствен был культ народа. Мы встречаем у него на каждом шагу преклонение перед «народной логикой», «народным разумом», перед стихийностью (spontanéité) и т. п.²⁾. Разрешение социальной проблемы, утверждает он, можно найти только у народа³⁾, — разумеется, не у того народа, который ставит себе утопические задачи, а у того, который понимает социальную революцию в смысле дачи частной собственности идеальной «конституции». «Пусть каждый в эти грудные дни, — восклицает Прудон, — обратится к народу. Пусть каждый изучает эту высшую мысль, которая не составляет принадлежности никакой партии, никакой школы и которая при всем том проявляется во всех школах и во всех партиях, которая сумеет самоопределиваться и дать ответ на все вопросы, лишь бы только мы сумели ее спросить. Спросить народ! В этом секрет будущего. Спросить народ! В этом вся общественная наука». Насколько в своей стихийной смелости он превосходит робкую мудрость философов! Философы, следуйте за народом!⁴⁾. У Прудона этот культ «народа» связан был с убеждением, что его «народ» ставит себе как раз ту программу, которую выработал сам Прудон; отсюда следует, что его народ, это — мелкая буржуазия, ибо для ее раскрепощения и увековечения создана была программа Прудона.

Но стоило только опросу народа дать не те результаты, каких от него ждал Прудон, и последний с такой же поспешностью готов был развенчать свой кумир, не оправдавший возложенных на него надежд. Такие вольты тем легче были для Прудона, что он придавал этому термину каждый раз другой смысл.

Неудивительно поэтому, что в моменты своего недовольства

¹⁾ Какой «социальной революции» требует Прудоновский «народ» видно из следующего пассажа: «Народ требовал не того, чего хотят некоторые утописты, а именно, чтобы правительство взяло в свои руки торговлю, промышленность и земледелие с тем, чтобы присоединить их к своему ведомству и превратить французскую нацию в нацию наемных рабочих, а того, чтобы оно занималось коммерческими, земельными и промышленными делами, способствуя, по правилам науки, которые совпадают с основами справедливости, развитию общественного положения бедных классов» (*Ib.*, 12). В другом месте, Прудон, увлекаемый своей утопией идеального общества мелких товаропроизводителей, дает социализму следующее мелкобуржуазное определение: «Чего хочет социализм?.. Ничего: это продукт хочет сделаться монетой, а правительство стремится в администрацию! Вот и вся реформа!»

²⁾ «Solution du Problème Social».

³⁾ *Ib.*, 14.

⁴⁾ *Ib.*, 18.

«народом» Прудон мог договариваться до такого утверждения, что «в сущности нет ничего менее демократичного, чем народ. Его идеи всегда приводят его к владычеству одного человека» (*La Révolution démontrée, etc.*, 70). Он отрицает за ним даже понимание своих интересов и способность формулировать свои требования. «Народ... произносит историческое выражение: Барбестребовал для нас миллиарда от богачей; Бонапарт нам даст его!.. В этом весь социализм народа» (*ib.*, 75). Для Прудонского народа это, пожалуй, верно.

Мы видели, что народ, идеология которого властно тяготеет над мышлением Прудона, есть не что иное, как мелкая буржуазия. Сам выходец из крестьянства, Прудон постепенно как-то оторвался от него, и его умственному взору, при построении программ социального преобразования, обыкновенно предносилась мелкая городская буржуазия, ремесленная и торговая. Но он никогда не забывал и о земледельческой мелкой буржуазии и в сущности до конца своей жизни остался «безансонским мужиком». Он готов был считать крестьянство революционным классом, но в том лишь смысле, что оно стремится к захвату земли. От успеха этого стремления он предвидел, однако, не наступление коммунизма, а воцарение мелкой собственности, каковому исходу он лично вполне сочувствовал (в отличие от многих своих преемников-анархистов и, в частности, Бакунина). «Крестьянин ждет только знака: он хочет земли, он пожирает ее взорами, и она не уйдет от его вождения... Крестьянин прежде всего настроен революционно; это диктуется ему его мыслями и его интересами» (*Idée générale*, 314—315).

Но если Прудонское крестьянство революционно по отношению к феодальному режиму, то оно выступает в виде консервативной силы по отношению к будущему строю организованного хозяйства. Какой же лик крестьянства симпатичен был Прудону — обращенный ли к прошлому или к будущему? Для нашего «анархиста» в высшей степени характерно, что он был идеологом не революционной, а консервативной стороны мелкобуржуазной крестьянской массы и даже брал на себя защиту интересов крестьянства от коммунистов, якобы посягающих на его землю и угрожающих ему насильственной экспроприацией. Высказываясь против «правительственной и коммунистической систем» (т.-е. того, что Бакунин называл «авторитарным» или государственным социализмом), Прудон уверяет, что он фатально обречен на поражение, и продолжает: «Если бы идея сельскохозяйственной ассоциации или государственного земледелия когда-либо серьезно была осуществлена во время революции,—предполагая, что правительство сохранилось бы во время революции, направленной главным образом против него,—

то крестьянство было бы поставлено перед вопросом об инсurreкции. Ему угрожала бы тирания со стороны тех самых людей, которые называли бы себя социалистами» (*Idée générale*, 218). Это сильно напоминает заботы Бакунина, но с одним и весьма существенным различием: Прудон, как идеолог мелкой буржуазии, был ярким противником принципа ассоциации, особенно в земледелии; он высказывается против всякого ограничения «свободы сделок и наследования» (Бакунин, как известно, стоял даже за отмену наследования); он был даже против сдачи государством земли крестьянам в аренду и хотел сделать крестьян неограниченными собственниками своих участков. Повторяя известное «поэтическое» выражение Мишле, Прудон говорил, что крестьянину «нужна не аренда, не налогообложение, а брак» с землей, и утверждал, что после «социальной ликвидации (хороша «ликвидация!») придется серьезно подумать о передаче земли пахарю на началах неограниченного распоряжения» (*en toute souveraineté, Idée générale*, 219—221). Это, конечно, имеет мало общего с идеалом Бакунина, который стоял за коллективизм и в земледелии, но только опасался, чтобы попытки городского пролетариата насильственно навязать крестьянству коммунизм не вызвали реакции со стороны деревень¹⁾.

III.

Политика и экономика, общество и государство.

Социально-политические взгляды Прудона сложились в эпоху испанской мещанской монархии, которая характеризовалась усиленным ростом крупного капитала — промышленного, торгового и финансового. Параллельно с этим процессом шло разорение мелкой буржуазии, среди которой, благодаря этому, царило сильнейшее недовольство. Нет ничего удивительного в том, что это недовольство мелкобуржуазной массы, в виду ее промежуточного и двойственного социального положения, окрашивалось настроениями противоположного характера: с одной стороны, она готова была поддерживать революционные стремления пролетариата, а с другой — в силу оппозиции к растущему капитализму, впадала в реакционные утопии. Оба эти момента теснейшим образом переплелись в воззрениях Прудона, который и был идеологом мелкой буржуазии в эпоху ее распада.

Одной из самых характерных черт мелкобуржуазной оппози-

¹⁾ «Письма к французам» и «Кнута-Германская империя».

ции была ее ненависть к буржуазному государству и его органам, которые явно способствовали усилению крупного капитала на счет мелкого. Это особенно явно выразилось в лозунге Гизо: «Обогащайтесь!» Все органы и акты государства — закон, парламент, избирательная система, политические партии, правительство, администрация, международные договоры — действовали исключительно в интересах крупной буржуазии и в ущерб мелкой. Неудивительно, что в рядах последней, на ряду с обыкновенными требованиями демократии, всеобщего избирательного права, социальных реформ и т. д., начало развиваться полное отрицание государства, как такового, как органа, абсолютно враждебного народу, «обществу», т.-е., главным образом, все той же мелкой буржуазии. Выразителем этого настроения явился Прудон со своей критикой государственности и со своим лозунгом анархии. Впоследствии этот термин получил специфическое значение; у самого же Прудона, как мы увидим, с ним связывались самые оппортунистические представления и самые мирные, можно сказать, консервативные стремления.

Прежде всего Прудон старался установить совершенно искусственное различие между обществом, как чем-то естественным, и государством или правительством, как чем-то искусственным. В этом различии верно только то, что государство возникает лишь на известной ступени общественного развития и в этом смысле представляет явление вторичного порядка. Но не эта сторона вопроса занимает Прудона. Ему хочется доказать противоестественность, злоредность государственной организации, и для этого он наделяет общество всеми положительными сторонами, государство же всеми отрицательными. «Во всяком обществе, — говорит он, — я различаю двоякого рода учреждения: одно, которое я называю социальной конституцией, и другое, которое представляет политическую конституцию, при чем первая присуща человечеству, либеральна и прогрессивна, а прогресс ее в большинстве случаев сводится к освобождению от второй, по существу произвольной, притеснительной и ретроградной» (Confessions, 183). Иногда Прудон как будто вспоминает, что государство вовсе не есть нечто оторванное от общества и могущее быть ему противопоставленным, и что, по крайней мере, для данного исторического периода нельзя противопоставлять государство обществу, как учреждение искусственное учреждению естественному. «Правительство есть орган общества, — говорит он, — правительство, установленное для руководительства обществом, есть отражение этого общества» (Idée générale, 58). Но он сейчас же об этом забывает и противопоставляет одно другому, как два самостоятельных и противоположных явления. «Общество и

правительство уже не могут ужиться вместе, так как первое стремится к порабощению второго» (Ib., 72). Как может «орган» и «отражение» порабощать свой источник, это секрет Прудона. Противоречие его в этом пункте вытекает из того, что он не дает себе труда вспомнить о классовом делении общества, забывает о классовом характере государства (что в других местах сугубо, хотя и неопределенно, подчеркивает) и превращает общество и государство в какие-то метафизические сущности. При этом он в разных местах вкладывает в понятие «общества» различное социологическое содержание. Так, говоря о системе налогов, Прудон замечает: «Существует соглашение между Капиталом и Властью, в силу которого налоговое бремя возлагается исключительно на трудящихся. В этом отношении правительство действует в полном согласии с обществом» (Ib., 63). Итак, общество, это—привилегированные классы? Но Прудон не дает себе труда вникнуть в употребляемые им термины и в конце концов приходит к тому выводу, что «по мере постепенного роста общественной сознательности и развития цивилизации все ярче проявляется антагонизм между обществом и правительством» («Справедливость в революции и в церкви», т. II, стр. 13).

По адресу государства, правительства и власти Прудон говорил бесконечное число резких и громких фраз, которые, однако, не должны сбивать нас с толку своей мнимой революционностью, ибо, как мы увидим, за ними скрывалось самое консервативное содержание. «Народы посредством правительств не спасаются, а губят себя» (Confessions, 27). «Государство, по существу своего принципа, контр-революционно» (Ib., 155). «Государство есть по существу представитель застоя» (Ib., 195). «Правительства суть бичи Божьи, созданные для того, чтобы дисциплинировать мир» (Ib., 23). Благодаря разделению властей, говорит Прудон (Ib., 185), «правительство, созданное а priori для народа (?), правительство, которое должно было служить орудием и органом народа (?), становится над народом, оно его владыка, его тиран». В той же «Исповеди революционера» (стр. 80) он замечает: «Notre ennemi, c'est notre maître» (наш враг, это—наш господин), сказал человек из народа *par excellence*, старый Лафонтен.

Еще в «Экономических противоречиях», изданных в конце 1846 г., Прудон говорил: «Власть, это орудие коллективной силы, созданное в обществе для того (?), чтобы служить посредником между трудом и капиталом, роковым образом оказывается прикованной к капиталу и направленной против пролетариата. Никакая политическая реформа не в состоянии разрешить этого противоречия, так как, по признанию самих политиков, такая реформа повела бы лишь к тому, чтобы придать власти больше энергии и широты, и

что, не рискуя низвержением иерархии и разрушением общества, власть не могла бы коснуться прерогатив монополии. Таким образом перед трудящимися классами встает задача не завоевать, а временно победить власть и монополию, а это значит вызвать из недр народа, из глубин труда более сильную активность, более мощный факт, облекающий капитал и государство и подчиняющий их. Всякий проект реформы, не удовлетворяющий этому условию, является лишь новым бичом, жезлом стерегущим, как сказал пророк» (Proudhon — *Système des contradictions économiques ou philosophie de la Misère*, изд. 1872 г., т. I, стр. 319).

И позже Прудон неоднократно подчеркивал ту мысль, что государственная власть неизбежно становится орудием господствующих классов. «Опыт показал, — говорит Прудон (*Idée générale*, стр. 111), — что везде и всегда правительство, какой бы народный характер оно ни имело вначале, становится на стороне самого образованного и самого богатого класса против самого бедного и самого многочисленного; что, проявив в течение известного времени некоторый либерализм, оно постепенно сделалось исключительным и односторонним; и наконец, вместо того, чтобы поддерживать всеобщую свободу и равенство, оно упорно стремилось их разрушить в силу своей естественной склонности к привилегии... Правительство, миссия которого заключается в охране собственности и лиц, фактически оказалось установленным для богатых против бедных. Кто не видит теперь, что эта аномалия... присуща всем правительствам?.. Власть, защищая так или иначе установленные права, охраняя так или иначе сложившиеся интересы, была поэтому всегда за богатство против бедности: история правительств представляет мартиролог пролетариата. И именно демократии в конечном этапе правительственной эволюции следует изучать эту неизбежную измену власти народному делу».

Итак, Прудон безоговорочно осуждает государственность во всех ее проявлениях, и это свое осуждение он распространяет также на политические партии, которые, по его мнению, также представляют одно из проявлений государственности и властвования. «Власть есть орудие и цитадель тирании, а партии — ее жизнь и мысль» (*Confessions*, 322). Власть сама создает партии. «Если бы не было правительства, то не было бы и партий; если бы не было партий, то не было бы и правительства. Когда же мы выберемся из этого круга?» (*Ib.*, 85). «Все партии без исключения представляют разновидность абсолютизма, и граждане не станут свободными... до тех пор, пока в политическом катехизисе отказ от власти не заметит веры во власть».

«Долой партии;

«Долой власть;

«Полная свобода человека и гражданина» (*Confessions*, 20).

Прудон критикует и осуждает все партии и, как этого следовало ожидать, направляет главные удары против крайних левых, не понявших всей глубины его политической премудрости. «Социализм уже по тому одному, что он является протестом против капитала, является вместе с тем и протестом против власти», — замечает Прудон. Но из этой правильной мысли он, софистицированный своим утопическим тезисом, что социальная революция есть средство к политической реформе, ставит историю вверх ногами и упрекает Гору в том, что она «рассчитывала осуществить социализм через посредство власти и — что еще хуже — использовать социализм для завоевания власти» (*Confessions*, 242). Несколько раз он повторяет свою по существу верную мысль: «Без капиталистической аристократии нет власти, а без власти нет правительства. Раз Труд освободится из-под владычества Капитала, народ не замедлит освободиться от правительственной инициативы; все эти положения тождественны и связаны между собою» (*Ib.*, 164). Но все эти справедливые мысли служат Прудону лишь для того, чтобы с высоты своей утопии осудить политическую деятельность и самостоятельность рабочего класса. А свою критику современного ему коммунизма (и критику весьма неудачную, вызвавшую, как известно, резкую отповедь Маркса, в виде памфлета «Нищета философии») Прудон заключает следующими словами: «Кто для организации труда апеллирует к власти и капиталу, тот жжет, ибо организация труда должна быть развенчанием капитала и власти» (*Contradictions économiques*, изд. 1872 г., т. II, стр. 311). К капиталу апеллировали утописты сен-симонистской и фурьеристской школ, которые в то время уже не пользовались почти никаким влиянием, и не по их адресу направлен упрек Прудона. Он имеет в виду, конечно, тех коммунистов, которые, по его словам, «апеллировали к власти», а на самом деле стремились лишь к захвату власти в целях социального преобразования. Здесь Прудон имел в виду последователей Луи Блана, Кабэ и Бланки, с которыми он главным образом и полемизировал. «Луи Блан, — говорит он, — представляет правительственный социализм, революцию через посредство власти, тогда как я представляю демократический социализм, революцию через посредство народа. Нас разделяет пропасть» (*Confessions*, 164). Ниже мы увидим, сколько истины содержится в этом хвастливом утверждении.

В противовес этим государственным теориям социальной реформы Прудон создал свою систему «анархии» и «социальной ликвидации». Сущность его системы заключается в полном устра-

нении элементов государственности, правительства и власти из общественных отношений, в организации общества на началах договора и обмена услуг без всякого элемента принуждения, говоря его словами, в замене политической централизации централизацией экономической. Впрочем, последний термин не совсем точен, так как идеальное общество Прудона отнюдь не является централизованным в экономическом отношении, а напротив—совершенно распяленным и состоящим из мелких самостоятельных товаропроизводителей — словом, это идеальное мелкобуржуазное царство без «искажающего» влияния власти ¹⁾.

Термин «социальная ликвидация» принадлежит Прудону. Так озаглавлен пятый отдел его книги: «Idée générale de la Révolution au XIX Siècle». Здесь (стр. 177) Прудон говорит: «Социальная революция заключается в замене правительственного, феодального и военного режима экономическим или промышленным режимом, точно так же, как первый, в результате предшествовавшего переворота, занял место теократического или жреческого режима. Под промышленным режимом мы понимаем не какую-либо форму правления, при которой люди, предающиеся земледельческим и промышленным занятиям, предприниматели, землевладельцы, рабочие, в свою очередь сделаются господствующей кастой, какой некогда были дворянство и духовенство, а такое устройство общества, в основе которого, вместо иерархии политических властей, будет лежать организация экономических сил» ²⁾. И дальше Прудон намечает следующую программу: «1) приостановить дезорганизаторскую тенденцию, завещанную нам старой революцией, и приступить, с помощью нового принципа, к ликвидации установленных интересов; 2) организовать, все с тою же помощью нового принципа, экономические силы и дать конституцию собственности; 3) растворить, потопить и распушить политическую или правительственную систему в экономической системе, сократив, упростив, децентрализовав и уничтожив одну за другой все части той

¹⁾ Седьмой отдел книги „Idée générale de la Révolution au XIX Siècle“ прямо озаглавлен у Прудона „Растворение правительства в экономическом организме“. Там он выдвигает свой принцип: „на место политической централизации мы ставим экономическую централизацию“ (стр. 259). Весь курьез в том, что никакой централизации он не предлагает, а мечтает как раз об увековечении мелкого ремесла и мелкого земледелия, т.е. экономического раздробления.

²⁾ Прудон ссылается на Сен-Симона, который в 1818 г. писал: „Человеческому роду сначала суждено было жить под правительственным и феодальным режимом; ему суждено было перейти от правительственного или военного режима к административному или промышленному режиму по достижении достаточных успехов в положительном знании и индустрии... Современная эпоха есть эпоха переходная“ (Idée générale, 126).

великой машины, которая носит имя Правительства или Государства» (Ib., стр. 180).

«На место этого правительствующего, феодального и военного режима, копирующего режим старинных монархов, нужно воздвигнуть новое здание промышленных учреждений; вместо этой материалистической и всепоглощающей централизации ~~политических~~ властей мы должны создать идейную и свободную централизацию экономических сил» (Idée générale, 73). ¹⁾.

Спасает ли демократический режим от отрицательных сторон государства, как воображали демократы? Нет, отвечает Прудон, скорее дело обстоит наоборот.

В демократии все отрицательные стороны государственности, по мнению Прудона, не только не исчезают, но, напротив, развиваются до своего логического конца. «Правительствующая демократия есть не что иное, как вывороченная наизнанку монархия... Демократия, это — идея государства, распространенная до бесконечности» (Confessions, 146). Поэтому Прудон осуждает демократов, которые борются против монархии, но не против самого принципа власти.

«Идея верховной силы, облеченной инициативой и умеряющей, поставленной, под названием правительства, государства или власти, над нацией, для того, чтобы руководить, управлять ею, диктовать ей законы, предписывать ей правила, выносить ей приговоры и налагать на нее наказания, — эта идея, говорю я, представляет не что иное, как тот самый принцип деспотизма, с которым мы тщетно боремся в лице династий и королей» (Confessions, 85).

Революция 1848 г., по его словам, потерпела поражение потому, что «упорно хотела революции посредством власти, социального преобразования посредством политической реформы» (Confessions, 124). Прудон держался совершенно противоположного взгляда и утверждал, что политическая философия, «выворачивая наизнанку афоризм радикалов, заключает: политическая революция, уничтожение властвования между людьми, есть цель; социальная же революция — средство» (Ib., 20). Прудон и не замечает, что к этому скоропалительному выводу его «философия» пришла только посредством произвольного подмена понятий, приравняв «политическую революцию», понятие общее, «уничтожению власти», т.е. понятию частному. Он закрывает глаза

¹⁾ Прудон требует „планов экономического преобразования, а не (!) правительственных теорий... Нет ничего более реакционного, чем правительство; какой бы либерализм оно ни проявляло, каким бы именем ий прикрывалось, революция его отвергает: ее миссия заключается в растворении его в промышленной организации“ („Idée générale de la Révolution au XIX Siècle“, стр. 35.— Это сочинение написано в 1851 г.; мы цитируем по изданию 1867 г.—Oeuvres complètes de P.—J. Proudhon, tome X).

на то, что далеко не всякая политическая революция тождественна с уничтожением принципа власти; последнее и есть социальная революция, т.е. политическая революция при совершенно особенных условиях (Ср. *Solution du problème social*, стр. 48 и сл.).

Исходя из этой точки зрения, Прудон критиковал демократов 40-х годов, а также социалистов того времени, которые в интересах осуществления своих социальных программ добивались политических преобразований и стремились к захвату политической власти. «Демократия, — говорит он, — подрывала свои собственные силы в погоне за властью, тогда как ее цель заключается как раз в уничтожении этой власти путем ее распределения» (*Confessions*, 127). Против тогдашних коммунистов он, кроме того, выдвигал то обвинение, что они намерены, захватив власть, декретировать социальное преобразование сверху, не считаясь с желаниями народа. Гору 1848 г. Прудон упрекал в том, что она, продолжая дело Бабефа, Луи Блана, коммунистов и абсолютистов (!) всех веков, «громко провозгласила необходимость навязать революцию сверху вместо того, чтобы предложить ее, как я этого хотел, снизу». (*Confessions*, 177).

А для Прудона, как для идеолога мелкой буржуазии, не было ничего более ненавистного, чем коммунизм, тем более, что последний, по его убеждению, стремился развить идею государственности до ее крайних последствий. «Коммунизм исходит из той мысли, что человек — существо глубоко-противообщественное и злое — homo homini lupus; что у него нет никаких прав и никаких обязанностей по отношению к своему ближнему; что только общество обуславливает весь его характер, что только оно дает ему достоинство и делает его моральным существом. Это не более и не менее, как возведение в принцип человеческого банкротства, а это несогласно с понятием существа и заключает в себе внутреннее противоречие... При коммунизме общество, государство, стоя вне и над личностью, одно обладает инициативой; вне его нет свободы действий; все поглощается анонимною, автократическою и бесспорною властью, в коей благодатный или мстительный промысел ниспосылает свыше на простертые головы кары и награды. Это не общежитие, не общество, а стадо, предводимое вожаком, которому одному по закону принадлежит разум, свобода и человеческое достоинство» (*Справедливость*, т. I, стр. 121).

Демократическое государство, по мнению Прудона, невозможно. Оно представляет внутреннее противоречие. «Правительство предполагает коррелятив, и если весь народ в качестве суверена сделается правительством, то тщетно мы станем искать, где будут управляемые». (*Idée générale*, 161).

На основании политической истории Франции с 1789 г., истории, истолкованной им с точки зрения прогрессивного нарастания принципа анархии, Прудон делает однобокий вывод, гласящий, что «правительство есть отношение свобод и интересов», и что «котные политика и экономика сливаются воедино». Опираясь абстрактными и неверными соображениями, он старается доказать, что «представительное правительство» равнозначуще уничтожению всякого правительства. «В конечном счете, — говорит он, — если все (?) участвуют в правительстве, то правительства больше нет. Таким образом, отрицание правительства вытекает из его определения (легкий способ покончить с правительством — дать ему неверное определение! — Ю. С.): кто говорит — представительное правительство, говорит — отношение интересов; кто говорит — отношение интересов, говорит — отсутствие правительства». (*Rév. soc. démontrée par le Coup d'Etat*, 1852, стр. 271).

Прудон отвергает также прямое народное управление и говорит: «Раз остается в силе тот же принцип, т.е. правительство, то и результаты получатся те же» (*Idée générale*, стр. 112). И далее: «Так как идея договора идет на смену идее правительства; так как экономическая критика уже установила, что при новом режиме политические учреждения должны раствориться в промышленном организме, — сделаем бесстрашно вывод, что революционная формула не может уже гласить: ни прямое законодательство, ни прямое правление, ни упрощенное правительство; она гласит: конец правительству. Ни монархия, ни аристократия, ни даже демократия, поскольку этот последний термин включает какое-либо правительство, действующее от имени народа и называющее себя народным. Ни власти, ни правительства, даже народного: в этом заключается революция. Прямое законодательство, прямое правление, упрощенное правительство — все это старая ложь, оживить которую не удастся. Прямое или косвенное, простое или сложное, правление народа всегда будет мороченьем народа. Это всегда будет командование человека над человеком; насилие фикции над свободой; разрешение вопросов грубой силой вместо справедливости, которая одна способна их разрешить; превращение самопожертвования и доверчивости в орудие растленного честолюбия» (*Idée générale*, 130).

В книжке о кредите «*Organisation du Crédit*» Прудон в первый раз предложил «произвести революцию снизу вверх» (*par en bas*), обращаясь к разуму и к интересу каждого гражданина и требуя от власти «лишь огласки и содействия, которые она одна способна оказать идее в настоящее время» (*Confessions*, 148). И дальше: «Необходимо победить власть, не требуя от нее ничего;

обнаружить паразитизм капитала, заменив его кредитом; осуществить свободу личностей, организуя инициативу масс». (Confessions, 154—155).

И Прудон выдвигает целую систему пассивного бойкота государства и власти. «Необходимо изменить не форму власти или ее источник, — говорит он, — а должно отвергнуть самое ее применение» (Idée générale, 141). Граждане не должны ничего требовать от власти, а социальный вопрос должен быть разрешен помимо государства и в стороне от него. «Власть должна сократиться до минимума и раствориться в промышленной организации». (Confessions, 20).

«Опыт веков отвечает, что лучшее из правительств это то, которое лучше всех умеет сделать себя бесполезным... Нам не нужны также управляющие нами депутаты... Управление человека человеком — это рабство» (Proudhon, Confessions, стр. 24). И далее: «Едиственное средство примирить все партии заключалось бы в том, чтобы доказать им естественную некомпетентность правительства во всякой иной функции, кроме полиции» (Ib., 66) ¹⁾. Разве это не та же буржуазная идея государства-жандарма, над которой так зло издевался Лассаль?

Для того, чтобы на практике доказать ненужность государства и возможность решения социального вопроса помимо него, Прудон придумал свой народный банк с даровым кредитом, с помощью которого мелкие товаропроизводители должны были освободиться из-под зависимости от государства и крупного капитала. Вот к каким карликовым размерам свелось возмешенное с такою помпою «решение социального вопроса», вот что должно было послужить незыблемой основой для системы анархии, призванной заменить старый мир государственного и властвования. В настоящее время не имеет смысла критиковать эту утопическую систему Прудона, которая была достаточно опровергнута и жизнью и теорией научного социализма. Достаточно только указать на нее и отметить, что, в отличие от других утопических систем, столь сурово и зачастую столь несправедливо осуждавшихся Прудоном, его собственная система носит вполне выраженный мелкобуржуазный характер и направлена к увековечению мелкого производства, в сущности игнорируя интересы пролетарских масс.

Но, как у всякого утописта, у Прудона была задняя мысль. При всей его непримиримой ненависти к государству он готов был при случае выражаться о нем довольно скромно, а при известных

¹⁾ „Вместо того, чтобы гнаться за властью, попросите ее просто не вмешиваться ни во что; и научите народ самостоятельно, без помощи правительства, создавать богатство и порядок“ (Proudhon, Confessions, 220).

условиях допускать даже его инициативу. Отвергая право государства «определять проявление свободы», он в то же время признает за ним право «решать вопрос о справедливости экономических отношений». Это значит, конечно, впускать в окно то, что перед этим было выгнано через дверь (Solution du Problème Social, 92). На первый взгляд это может показаться крайне парадоксальным; но Прудон не был свободен от слабости всех утопистов, всегда рассчитывавших на какой-то не в пример счастливый случай для реализации их плана. Он в течение некоторого времени рассчитывал убедить временное правительство осуществить на практике его систему. И вот почему ненавистное государство, источник всех зол на земле, должно, по мнению Прудона, «подать пример в этой великой революции социальной экономии» (Ib., 109). Итак, Прудон готов примириться с государством под тем условием, что оно примет его утопию и начнет ее осуществлять: для этого достаточно будет издать несколько декретов (не то 12, не то 14), об опубликовании которых он тщетно молил временное правительство (Ib., 91, 140). И лишь отчаявшись в успехе своих наивных домогательств, Прудон обратился к публике.

И такие планы развивал человек, который не находил достаточно сильных выражений для заклеивания противников, рассчитывавших добиться осуществления своих программ с помощью государства—и притом отнюдь не в такой примитивной форме, как обращение к правительству с ходатайствами об издании кучки декретов! ¹⁾.

Но склоняясь иногда к политическим ходатайствам — в моменты слабости!—Прудон вообще слышать не хотел о политической борьбе (что, впрочем, не мешало ему самому в ней участвовать). Участие рабочего класса в политической борьбе он признавал вредным заблуждением и всячески старался отклонить рабочих от столь пагубного на его взгляд увлечения.

Иногда Прудон как будто начинает догадываться, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Так, он говорит: «В обществе, сверху и донизу, все, что производится, перемещается и

¹⁾ Последователям Прудона, не щадящим своих нападок на мнимые грехи „социалистов-государственников“, не мешало бы по этому поводу обратиться свои громы как раз на Прудона, который рассчитывал осуществить свою „социальную ликвидацию“ путем декретов (Idée générale, 203, 209 и passim). В довершение комизма Прудон предлагал издавать такого рода „декреты“ буржуазному парламенту. При всей своей словесной ненависти к государству, Прудон обращался к будущему (в 1852 г.) парламенту, т.е. избранному даже не на основе всеобщего голосования, с требованием мер в пользу обезземельяемого крестьянства (Ib., 225). Впрочем, ведь такой парламент на его взгляд должен быть лучше, чем избранный всеобщим голосованием!

потребляется, связано с политической деятельностью и может рассматриваться, как функция управления. Каждая трудящаяся, продающая и покупающая личность является с известной стороны представительницей государства»¹⁾. Академики, епископы, судьи, частные лица, все в большей или меньшей степени занимаются политикой, да иначе и быть не может. «Вам (буржуа) говорит это не Робеспьер или Руссо, а реальная необходимость, неустранимая экономия общества. Волею или неволею вы являетесь политическими деятелями; хуже того, вы принадлежите к оппозиции. Писатель, вы предполагаете написать исторический труд; берегитесь, это будет политический трактат. Экономист, вы исследуете источники налогов, состав бюджета, стоимость содержания солдата, дробление земельной собственности, влияние протекционизма на обмен и т. п. Как бы вы ни изощрялись в тонкостях и как бы ни жонглировали словами, ваша политическая экономия будет все-таки политикой, всегда политикой. Философ, вы ищете принципов права, изучаете состояние общества и нравов, — это политика. Фабрикант, коммерсант, сельский хозяин, самый характер ваших предприятий приводит вас в постоянное соприкосновение с казной, с акцизом, с администрацией, с таможенной, с октруа: все это политика. Вы не можете сделать заявления, подать жалобу, предложить реформу, не потрясая государственных основ, не нарушая полицейских и дипломатических тайн. От какого-нибудь вопроса о транзите зависит европейское равновесие. Вы государственный подрядчик, концессионер, рантье. Кто же более вас обязан, а значит, и в праве интересоваться политикой? Каково правительство, такова и ценность затраченных вами капиталов: это азбука биржи. Пусть рабочие объединятся для совместного ведения своего промысла: по-вашему, заключенный ими между собою договор имеет отношение только к гражданским законам и торговому уставу; полиция же не без основания усмотрит в нем политическую тенденцию. Пусть частное лицо откроет для расчета со своими рабочими контору: Народный Банк. Немедленно последует нашествие на его квартиру, обыск в его бумагах и наложение печатей. Мнимая контора является политическим центром»²⁾.

И Прудон смело заключает: «Оставим же ненужные тонкости и ложную шепетильность. Политика, уже уступившая примам экономии и подчиненная ей, но упорно желающая сохранить особую, высшую, невозможную позицию — вот секрет нашей ситуации, и вот что заставляет меня, социалиста, после четырех лет отрицания

политики, заниматься политикой»³⁾. Но, высказав эту мысль, на первый взгляд как будто соответствующую знаменитому положению Интернационала, что экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство, Прудон сейчас же бросает ее и обращается к своей старой анти-политической утопии, заявляя, что «проблема пролетариата есть конец политики» (Ib., 11). И это не только в будущем, но и в настоящем. Конец политики мыслится не как результат социальной реформы, а как ее предпосылка и необходимое условие.

Таким образом лозунгом настоящего момента становится воздержание от политической деятельности, безразличие и индифферентизм в области политических вопросов, насильственный и логически неоправдываемый разрыв между политикой и экономикой. В этом отношении Прудон является одним из духовных отцов всяческих абстенционистов, анархистов и просто «жманфишистов», которых так много расплодилось за последние десятилетия, особенно в романских странах, и которые воображают себя нивесть какими передовыми людьми, тогда как в действительности они просто *люди отсталые и политически неразвитые. Рекомендую рабочему классу политическое воздержание и безразличие* (кстати, невозможное по существу и неосуществимое), они ведут его не вперед, а посылно толкают назад, к давно пройденным этапам развития,⁴⁾ и таким образом лишь укрепляют то государство, которое они собираются якобы изолировать и обессилить.

Как на образец «анархического» глубокомыслия, можно указать на поведение Прудона в 1848 году. В Учредительном Собрании он «вотировал против конституции, потому что это конституция», а в республике, дескать, «конституция — вещь совершенно ненужная»⁵⁾. Неудивительно, что человек с такими политическими воззрениями способен был в эпохи реакции опускаться до таких шагов, как заигрывание с Луи Бонапартом сейчас же после произведенного последним государственным переворота. Конечно, и в этом вопросе Прудон не выказал особенной последовательности⁶⁾,

¹⁾ Ib., 8.

²⁾ Письмо его в „Moniteur“ от 4 ноября 1848 г. (перепечатано в Confessions, стр. 180—181).

³⁾ Прудон тоже готов был признать, что конституционная монархия предпочтительнее абсолютной, точно так же, как представительная демократия или режим всеобщего избирательного права предпочтительнее конституционализма, а прямое народное управление предпочтительнее представительства. Но он готов был отдать им предпочтение не с той точки зрения, что свобода и благосостояние масс при этом что-нибудь выиграют, а с той, что в этой смене политических форм он усматривал постепенное отступление правительственного принципа перед революционным отрицанием власти (Idée générale, 139—140).

¹⁾ Révolution Sociale démontrée par le Coup d'Etat. Paris, 1852, стр. 7.

²⁾ Ib., 5—7.

но в общем и целом влияние его не могло не быть в конечном счете самым реакционным. Его критика государства, демократии и политики насквозь проникнута реакционным духом и порою просто поражает своей отсталостью, приличной разве для захолустного самоучки, а отнюдь не для писателя, претендовавшего на руководительство общественным мнением передовой страны.

IV.

Критика демократии и всеобщего избирательного права.

В «*Solution du Problème Social*» Прудон сосредоточил и систематизировал свои нападки на демократию, на ее принципы и практическое осуществление. Получился целый критический арсенал, из которого обильно черпали впоследствии как анархисты, так и реакционеры. Это неудивительно, если вспомнить, что в области критики демократического принципа анархизм близко соприкасается с реакцией и сплошь и рядом незаметно в нее переходит¹⁾. Установив совершенно искусственное различие между демократией и республикой, отвергая первую и провозглашая идеалом вторую, Прудон выдвигает тезис, гласящий, что «демократия не только не составляет наиболее совершенной из форм правления, но даже является отрицанием народного суверенитета и главной причиной его гибели», и что «мы должны низвергнуть демократию, подобно тому, как мы низвергли монархию: это будет последним этапом на пути к республике»²⁾.

Достаточно просмотреть заголовки в этой части Прудоновской книги, чтобы убедиться в реакционном характере его критики. «Демократия это замаскированная аристократия», «демократия исключительна и доктринарна», «демократия это остракизм», «демократия это форма абсолютизма», «демократия материалистична и атеистична» (что должен был чувствовать Бакунин, читая эти слова!?), «демократия ретроградна и противоречива», «демократия бессильна разрешить социальный вопрос», «демократия обходитяся [дороже монархии], и т. д. Хочет ли этого Прудон или нет, но его критика монархии гораздо слабее и малоубедительнее, чем критика демо-

1) Эволюция Жоржа Сореля, этого теоретика революционного синдикализма, недавно открыто примкнувшего к монархической партии, лишний раз подтвердила это. И не напрасно нео-роялисты признают Прудона одним из своих учителей и даже основали «кружок имени Прудона», предназначенный для пропаганды роялизма среди французских рабочих. (См. Ю. Стеклов — Черная сотня во Франции. Петр., 1918, изд. «Прибой».)

2) *Solution*, 39, 47.

кратии, против которой он направляет самые пылкие и страстные обличения, и послушать его, так приходится предпочесть монархию демократии. В то время как монархия стремится окружить себя «аристократией таланта и богатства», демократия создает «патрициат посредственностей» (Ib., 59). С другой стороны, — и это весьма характерно для того угла зрения, под которым «анархист» Прудон критиковал демократию, — против демократии выдвигается новое тяжкое обвинение, которое должно дискредитировать ее в глазах Прудоновского «народа», то-есть мелкой буржуазии: «конституционная монархия представляет «управление общества буржуазией, т.-е. аристократией таланта и богатства... Напротив, демократия может быть определена, как управление общества подавляющим большинством граждан, имеющих мало таланта и вовсе не имеющих состояния... При господстве представительной монархии народ фатально эксплуатируется буржуазией, а при демократическом правлении он фатально эксплуатируется пролетариатом» (Ib., 60). Теперь ясно даже для слепого, что представляет собою таинственный Прудоновский народ: так как из него исключается буржуазия (очевидно, крупная) и пролетариат, то остается мелкобуржуазная масса, которую наш анархист и признавал подлинным народом, и стремления которой он и пытался всегда выражать. При этом замечательно, что, по мнению Прудона, обе эти формы тирании обречены на гибель, ибо вносят раскол в «народ»; но в то время, как буржуазная тирания приводит лишь к нищете пролетариата, тирания последнего гораздо опаснее для «народа», ибо приводит к «разорению буржуазии», т.-е., спешит пояснить Прудон, к «всеобщей нищете» (Ib., 61). Естественно, что об этой стороне Прудоновской критики Бакунин совершенно умалчивает, ибо она меньше всего подходит к «провозглашению анархии и поклонению Сатане» (если, конечно, не иметь в виду анархию в умах и капиталистического Сатану).

Подобно монархии, демократия означает смерть свободы (Ib., 62). Власть одинаково составляет идеал как Гизо, так и демократов (Ib., 65). Непосредственная демократия, предполагающая прямое участие всех граждан в законодательстве и управлении, теперь, с уничтожением рабства, немыслима; а представительная демократия, передающая общественные дела в руки выборных, уже не есть демократия. «Демократия, подобно монархии, сначала провозгласив принцип народного верховенства, в конце концов приходит к провозглашению народной неправопоспособности» (Ib., 66). Особенно страшила Прудона, как мелкобуржуазного утописта, перспектива логического развития демократии политической в демократию экономическую, основанную на коммунистических нача-

лах¹⁾. «Демократия, — с ужасом восклицает он, — да это расширение идеи государства до бесконечных пределов; это объединение всех сельскохозяйственных предприятий в одно сельскохозяйственное предприятие, всех промышленных заведений в одно промышленное заведение, всех торговых домов в один торговый дом, всех акционерных обществ в одно акционерное общество. Следовательно, это не уменьшение до бесконечности всех общих расходов, как полагалось бы при республике, а увеличение их до бесконечности» (Ib., 86). И Прудон заключает: «Свобода несовместима с демократией, как и с монархией. Некогда господство демократии основывалось на рабстве одной касты; ныне же оно будет основано на всеобщем рабстве» (Ib., 76).

Критика демократии, как этого и следовало ожидать, теснейшим образом связана у Прудона с критикой всеобщего избирательного права. Последнее, по словам Прудона, составляет «полнейшее проявление демократии», но так же, как и она, отнюдь не выражает народного суверенитета²⁾. По мысли демократа, утверждает наш критик, народ неспособен сам управлять собою, ему нужны представители; таким образом предполагается, что народ способен выбирать себе представителей, и что он может быть правильно представлен. Но это предположение совершенно ложно, говорит Прудон. «Нет и никогда не может быть законного представительства народа. Все избирательные системы представляют орудия извращения: достаточно познакомиться с одной из них, для того, чтобы осудить их все» (Ib., 50)³⁾.

Прежде всего политическое преобладание всегда принадлежит тем, кто обладает талантом и богатством; всеобщее избирательное право не может изменить этого факта. «Кого по-вашему станут выбирать своими представителями ремесленники, поденщики, чернора-

¹⁾ Это не мешало ему в других случаях с одобрением подчеркивать, что демократия и вообще избирательное право тем, между прочим, и хороши, что логически ведут якобы к экономическому равенству (см. ниже сравнение с Жоресом).

²⁾ *Solution du Problème Social*, 57.

³⁾ «Одним из первых актов временного правительства, которым оно особенно гордилось, было введение всеобщего избирательного права. В тот самый день, когда декрет был обнародован, мы писали следующие слова, которые могли тогда сойти за парадокс: *Всеобщее избирательное право есть контр-революция*. Можно судить по событиям, ошибались ли мы. Выборы 1848 года были произведены в громадном большинстве попами, легитимистами, приверженцами династии, всем, что только есть во Франции реакционного, наиболее ретроградного. Это и не могло быть иначе». Эта тирада, приводившая в восторг Бакунина, была напечатана в газете „*Représentant du Peuple*“ 1848 г., № 28 от 29 апреля (см. *Mélanges*, т. I, стр. 15). Слова „всеобщее избирательное право — есть контр-революция“ встречаются в „*Solution du Problème Social*“.

бочие, если не своих хозяев?» (Ib., 48). А отсюда ясно, что ни в каком случае политическая реформа не приведет к социальному преобразованию; дело будет обстоять как раз наоборот. «Я отнюдь — и не без основания — не верю в ту пророческую интуицию массы, которая должна помочь ей сразу разобраться в заслугах и порядочности кандидатов. Мы знаем множество примеров, когда лица, избранные единогласно, замыслили измену уже на самом щите, с которого они являли себя взорам опьяненного народа. На избирательных собраниях народ на 10 мошенников вряд ли встречает одного честного человека» (*Idée générale*, 145). Народные представители эмансипируются от влияния избравших их и начинают господствовать над ними; при всякой форме правления депутат принадлежит не стране, а правительству: именно с этой целью монархия хочет иметь «способных или богатых депутатов, а демократия — неспособных (!) или нуждающихся, и обе требуют, чтобы депутат был хозяином своего вотума, т.-е. мог торговать им и продавать его, чтобы мандат имел определенную продолжительность, не меньше года, в течение которого правительство, по соглашению с депутатами, делает все, что ему угодно, и придает силу закона актам своего усмотрения» (Ib., 60).

«Кто, — восклицает Прудон, — избрал Конституанту, полную легитимистов, сторонников династии, дворян, генералов и прелатов? — Всеобщее голосование.

«Кто совершил 10 декабря 1848 г.? — Всеобщее голосование.

«Кто создал Законодательное Собрание? — Всеобщее голосование.

«Кто дал бланковую подпись 20 декабря? — Всеобщее голосование.

«Кто избрал законодательный корпус 1852 г.? — Всеобщее голосование.

«И разве нельзя сказать, что именно всеобщее голосование начало реакцию 16 апреля; что оно спряталось за спиной Барбеса 15 мая; что оно осталось глухо к призывам 13 июня; что оно безучастно пропустило закон 31 мая; что оно скрестило руки 2 декабря?»

«Повторяю: когда я обвиняю таким образом всеобщее избирательное право, я отнюдь не думаю этим посягать на существующую конституцию и на основы нынешней власти. Я сам отстаивал всеобщее избирательное право, как конституционное право и государственный закон. И, раз оно существует, я вовсе не требую его отмены, а лишь хочу, чтобы оно просветилось, организовалось и жило. Но да будет позволено философу и республиканцу, в интересах понимания истории и предстоящего опыта, констатировать,

что всеобщее избирательное право у народа с таким запущенным воспитанием, как наш, с его материалистической и гелиоцентрической формой, не только не служит орудием прогресса, а является камнем преткновения для свободы».

Впрочем, у Прудона по всякому вопросу имеется не одно мнение, а несколько. Будучи и в социологии и в политике прежде всего журналистом, Прудон формулирует свои историко-философские истины изо дня в день, в зависимости от текущих злободневных событий. Выборы 1848 г. привели его к вышесказанной формуле, но частичный успех радикалов и социалистов на выборах 1849 г. заставил его поспешно внести в свою прежнюю скоропалительную оценку всеобщего избирательного права значительные поправки. При этом он, по обыкновению, не считал нужным сопоставить свое прежнее мнение с новым; оба остаются как бы равноценными, и читателю или последователю предоставляется самому выбрать, какое вернее или какое больше подходит к его настроению. После выборов 1849 г., показавших, что всеобщее избирательное право, по мере своего применения, может оказаться в руках демократии орудием освобождения, Прудон писал в «Le Peuple» от 22 мая 1849 г.: «Мы знаем, что большинство может ошибаться, но мы знаем также, что оно способно исправлять ошибки, и вот почему мы подчиняемся закону большинства ¹⁾ до тех пор, пока большинство будет само уважать конституцию и не усядется на ней верхом. Мы не такие фанатики всеобщего избирательного права, чтобы считать его непогрешимым. Но мы и не настолько ослеплены, чтобы не верить, что после временного заблуждения оно способно спохватиться и раскаяться в своей ошибке. Вот почему мы будем подчиняться решениям всеобщего избирательного права до тех пор, пока оно останется верным самому себе, т.-е. республиканскому принципу» (Mélanges, т. II, стр. 189). Здесь Прудон заходит даже дальше «социалистов-государственников», которые никогда не говорили о «подчинении» решениям всеобщего избирательного права. Но факт тот, что сам Прудон в 1849 г. признал выборы 48 г. «временным помрачением всеобщего голосования» (Ib., 206).

Как человек минуты, человек настроения, не имевший, как это ни странно, определенных политических убеждений, Прудон противоречил себе на каждом шагу и в этом вопросе. Так, он, сегодня отрицая всеобщее избирательное право, завтра придает ему преувеличенное значение и с явным сочувствием излагает мнение, по

¹⁾ Это не мешало Прудону в другом случае писать: „Закон большинства не есть мой закон, это—закон силы; поэтому основанное на нем правительство не есть мое правительство, это правительство силы“ (Idée générale, 215).

которому «всеобщее избирательное право, подобно тому, как оно создает равенство в политической области, должно создать его также и в области экономической» (Mélanges, т. II, изд. 1868 г., стр. 125), — мысль, которую впоследствии развивал Жорес для оправдания своей оппортунистической позиции в первые годы XX века. В той же плоскости мышления Прудон там же утверждает, что «республика представляет такую форму правления, которая выводит единство, свободу и порядок из единственного принципа, всеобщего избирательного права» (Ib., 127), и что «политическая революция молчаливо включает в себе социальную революцию, революция, которая, за исключением случая нарушения конституции, должна осуществиться легально и мирно» (Ib., 125).

Впадая в вопиющее противоречие со своими филиппиками против всеобщего голосования, Прудон то заявляет, что «все власти должны исходить из народа посредством всеобщего избирательного права» (Исповедь революционера, 201), то готов распространить этот принцип даже на армию, говоря: «Граждане сами должны иерархически назначать своих начальников, при чем рядовые и национальные гвардейцы должны выбирать лиц на низшие должности, а офицеры на высшие» (Ib., 202). Мало того, Прудон временно настолько готов был преувеличивать значение всеобщего избирательного права, что утверждал, что «результатом его, пока еще незаметным, но неизбежным, будет коренное изменение нашего публичного права» (Исповедь, 190), и заявлял в той же книге: «Дайте мне постоянное действие всеобщего избирательного права, и я заранее приемлю все его результаты» (193—194). И это «приятие мира» было у Прудона не случайной, обмолвкой. От имени «анархистов», как реакционеры называли тогда всех левых, Прудон 30 октября 1849 г. заявлял: «Мы готовы уважать и заставить других уважать конституцию, не только от сегодняшнего дня до 1852 г., но и вечно. Ибо для нас конституция состоит... в всеобщем избирательном праве и прогрессе... Пока будет существовать всеобщее избирательное право, пока для нас сохранится возможность совершенствовать его практику путем пересмотра конституции, мы будем верны этой конституции, мы будем самыми покорными слугами правительства» (Mélanges, т. II, 248).

Более того, при наличии всеобщего избирательного права, Прудон доходит до отрицания права на восстание, признанного конституциями революционной эпохи. «В самом деле, — говорит он, — признать это право за партией против нации, за меньшинством против большинства, это значит отрицать сущность всеобщего избирательного права, провозгласить войну нормальным состоянием об-

щества и объявить гражданскую войну основой порядка». Право на восстание может быть, по его мнению, признано лишь в одном случае: это, если большинство для закрепления своего деспотизма вздумало бы отменить или, по крайней мере, ограничить всеобщее избирательное право. «И действительно, всеобщее избирательное право, это—способ, которым проявляются большинство и меньшинство; из него большинство почерпает свое право, равно как свое существование, так что, с отменой всеобщего голосования, любое меньшинство могло бы, не встречая противоречия, объявлять себя большинством и, следовательно, призывать к восстанию... Право на восстание не может быть признано за меньшинством против большинства в стране, где существует всеобщее голосование» (Исповедь, 269—271).

Либо в морду, либо ручку пожалуйста! Этими словами можно характеризовать беспринципное отношение Прудона к всеобщему избирательному праву. В этом вопросе он проявил неслыханный оппортунизм, который лишней раз показывает, что в основе его революционной декламации лежала самая вульгарная беспринципность. Последняя доходила до того, что наш «анархист» готов был примириться с переворотом 2 декабря 1851 г. и с диктатурой Луи Бонапарта под тем предлогом, что они были санкционированы всеобщим голосованием. «Подобно тому, как я понимаю *raison d'Etat*, хотя я хотел бы наложить на него узду, я понимаю также диктатуру, которой не люблю, несмотря на примеры ее, представляемые историей. И раз этого захотело в 1851 г. всеобщее избирательное право, я не имею ничего возразить по существу против конституции 15 января; мои замечания носят чисто формальный характер» («Социальная революция, доказанная государственным переворотом», 1852, 151).

Сначала кажется, что Прудон, подобно анархистам последующей эпохи и в частности Бакунину, критикует всеобщее избирательное право с точки зрения его несоответствия интересам угнетенных и эксплуатируемых классов. Но Прудон не был бы Прудон, т. е. консервативным мелким буржуа, если бы он ограничился этой стороной вопроса и не прибавил бы к ложке своего (да и то более, чем сомнительного) меда целую бочку реакционного дегтя. Высмеивая лежащий в основе всеобщего голосования поголовный опрос народа, Прудон утверждает, что из сложения любого количества отдельных голосований никогда не может получиться общего мнения (Solution, 62). Но вольно же ему искать такого «общего» мнения своего «народа» и упускать из виду, что в результате всеобщего голосования отдельных представителей «народа», лучше сказать, общественных классов, получается выражение стремлений

и воли этих классов. Но у нашего «анархиста» умысел другой тут был, а именно—напугать свой «народ» пагубными революционными результатами всеобщего избирательного права. Уверив предварительно читателя, что демократия, основанная на всеобщем голосовании, приводит к эксплуатации «общества» (через несколько строк он поясняет — «буржуазии») пролетариатом¹⁾, Прудон, ничтоже сумняшеся, пишет: «Вернейшим средством принудить народ ко лжи является введение всеобщего избирательного права. Поголовное голосование в области государственного управления и в качестве средства к выявлению национальной воли представляет то же самое, что в экономической области раздел земли. Это — аграрный закон, перенесенный с земли в среду правительственную» (Solution, 62). Далее он повторяет ту же мысль: «Предоставление избирательного права всем гражданам равносильно аграрному закону; более того, это равносильно отчуждению суверенитета» (Ib., 72). Чтобы понять всю соль этого приема, следует вспомнить, что «аграрный закон» (по-нашему, приблизительно — «черный передел») — это жупел, которым всегда пользовались во Франции реакционеры, чтобы возбудить дикие страсти мелкобуржуазной и особенно крестьянской массы против крайних демократов и особенно против социалистов, коммунистов, «делителей» (*les partageux*). Этот низкопробный прием и пускает в ход «безансонский мужик» для дискредитирования демократии и всеобщего избирательного права. Вряд ли эта чисто реакционная нота могла восхитить Бакунина. Но зато его прельщали революционные фразы Прудона, по большей части пустые и неосновательные, в роде встречающегося на следующей же странице (Ib., 73) голословного утверждения, будто бесплатное обучение народа, рекомендуемое демократами, пойдет на пользу не бедным классам, которые им не смогут воспользоваться из-за недостатка времени, а исключительно богатым.

Источником разочарования в общем избирательном праве, на ряду с первыми неудачными опытами его применения, давшими сначала перевес реакционным силам, служило преувеличенное мнение о значении этого института и возлагавшиеся на него преувеличен-

¹⁾ При этом он забывает, что, по его же словам, «народ» не может воспользоваться своим правом голосования, и что рабочие принуждены якобы выбирать своих собственных хозяев. Раз в демократии власть неизбежно принадлежит «обладателям таланта и богатства», каким же образом пролетариат может добиться такого положения, чтобы «эксплуатировать общество», подобно тому, как это раньше эксплуатировала буржуазия при монархии? Но в то-то и дело, что у Прудона «анархия» была главным образом в голове, и что он противоречил себе на каждой странице.

ные (по крайней мере, для первого момента) надежды. Прудон сам вскрывает этот секрет в следующих словах: «Пролетариям говорили: когда вы получите избирательное право, вы будете свободны и богаты; вы декретируете капитал, продукт и заработную плату; подобно новому Моисею, вы низведете с неба перепелов и манну; вы будете как боги, ибо вы не будете больше трудиться или, если придется трудиться, то будете работать так мало, что это будет почти равносильно отсутствию всякой работы» (Ib., 63). Но когда эти радужные и утопические чаяния не оправдались, политические метафизики, в роде Прудона, поспешили с легким сердцем выбросить за борт не свои беспочвенные мечтания, а самый институт всеобщего голосования и проклясть его принцип на всех перекрестках. Теперь они провозглашали: «Что бы там ни говорили и ни делали, всеобщее избирательное право, это свидетельство раздора, не в силах дать ничего, кроме раздора» (Ib.). И, обобщая свое разочарование, торжественно заявляли: «Посмотрите, с каким безразличием рабочие массы относятся к всеобщности голосования. От них нельзя добиться того, чтобы они хлопотали о включении себя в избирательные списки. В то время, как философы восхваляют всеобщее избирательное право, здравый смысл народа плюет на него» (Ib., 86—7). Здесь Прудон, подобно Бакунину, из беды народа делает честь его и отсутствие политического воспитания и классового сознания объявляет величайшей добродетелью.

Во имя какой же социальной программы, осуществление которой, якобы, парализуется всеобщим избирательным правом, Прудон с такой яростью отвергает величайшее завоевание демократии в политической области в XIX веке? Каков был тот идеальный общественный строй, на алтаре которого доктринер антигосударственности готов был заклать всеобщее голосование и политическую самостоятельность масс? Увы! программа эта была более, чем мизерной, а идеальный строй Прудона меньше всего был похож на идеал¹⁾.

1) «Мы говорили и повторяем: Республика представляет такую форму правления, в которой, при свободе всех волей, нация мыслит, говорит и действует, как один человек (?). Но для осуществления этого идеала необходимо, чтобы все частные интересы действовали не в направлении, противном обществу, а в направлении общества, что невозможно при всеобщем избирательном праве. Всеобщее избирательное право это,—материализм республики. По мере все более широкого применения этой системы, вплоть до того дня, как экономическая революция станет совершившимся фактом, общество будет все больше регрессировать к монархии, к деспотизму и варварству—и это с тем большей вероятностью, чем многочисленнее, обдуманнее и свободнее будет голосование.— Вы обвиняете неопытность, индифферентизм пролетария! Но это-то именно и осуждает вашу теорию. Что сказали бы вы об отце семейства, который пере-

Социальная программа и общественный идеал Прудона.

Пресловутое «Разрешение социальной проблемы» — без помощи займов, без металлических и бумажных денег, без максимума, без реквизиций, без банкротства, без аграрного закона, без налога для бедных, без национальных мастерских, без ассоциаций, без участия в прибылях, без государственного вмешательства, без ограничения свободы торговли и промышленности, без нарушения права собственности (Solution du Problème Social) — в сущности было уклонением от действительного решения социального вопроса или, вернее, последней попыткой решить этот вопрос в интересах мелкой буржуазии. В то время, как пролетариат сталкивается с крупной буржуазией в процессе производства, мелкий буржуа страдает, главным образом, или, лучше сказать, ему кажется, что он страдает главным образом от плохой организации кредита. Здесь находится самое уязвимое место его тяжелого социального положения. И неудивительно, что Прудон, смотревший на общественные отношения с точки зрения мелкого буржуа, устремлял свое главное внимание именно в эту сторону. Он утверждал, что решения социального вопроса следует искать не в области производства, а в области обмена и, отвергая выдвинутый коммунистами план общественной реорганизации на началах планомерной коллективной организации производства, пытался спасти положение мелкой буржуазии рациональной, как ему казалось, организацией кредита, всем доступного и бесплатного. Полемизируя с Луи Бланом, он выдвигал против него совершенно детское возра-

давал бы свое имущество (!) в свободное распоряжение своих малолетних детей (!?), а затем, доведенный ими до разорения, вздумал бы жаловаться на их юношескую неопытность? И каким аргументом против вас является этот индифферентизм пролетариата!.. И если бы мы не были первыми виновниками, я сказал бы, что министры, которые по беспринципности, без всякого юридического основания (!), злоупотребляя (!) временной диктатурой, поставили судьбы народа в зависимость от этой чудовищной избирательной системы, подлежали бы лишению политических прав» (статья «La Réaction», перепечатана в *Mélanges*, т. I, стр. 16).

Только «безансонский мужик» мог смотреть на введение всеобщего избирательного права, как на уступку легкомысленным папашей «своего» имущества малым деткам.

жение. «Вам не дано достигнуть организации труда в том виде, как вы ее понимаете, не потому, чтобы у вас не хватало способностей, а потому, что ваша позиция вам это запрещает. Вы намереваетесь подойти к разрешению вопроса через мастерскую, т.-е. (?) через индивидуализм, тогда как решение может быть дано социальной стороной вопроса, т.-е. (?) кредитом» (Mélanges, т. I, стр. 5; Oeuvres complètes de Proudhon, 1868, т. 17). Здесь, конечно, есть зерно истины постольку, поскольку луи-блановское решение социального вопроса тоже было неполным и нерадикальным, но ставить знак равенства между социальной стороной и кредитом значит обнаруживать полное непонимание капиталистического общества или, лучше сказать, односторонний подход к нему под углом зрения мелкого буржуа.

Читатель, привыкший связывать имя Прудона с представлением о беспощадном разрушителе собственности и непримиримом критике буржуазного строя, начавшем свою литературную карьеру с провозглашения лозунга «собственность есть кража», вероятно, будет удивлен и неприятно поражен применением к Прудону термина «мелкий буржуа». С последним многие связывают чуть ли не бранный смысл, тогда как на самом деле это есть просто определение социальной позиции, и притом основанное на точном изучении писаний и общественной деятельности рассматриваемого публициста. Прудон вовсе не был принципиальным противником частной собственности, как многие ошибочно себе представляют. Напротив, он был ее принципиальным сторонником, мы бы сказали даже — поклонником, он хотел только очистить ее от некоторых злоупотреблений, которые он считал случайными, но которые в действительности неразрывно связаны с нею на известной ступени исторического развития. Да он и сам этого никогда не скрывал и по мере того, как от провозглашения абстрактных лозунгов он переходил к детальному развитию своих реформаторских планов, совершенно определенно подчеркивал, что он хочет не уничтожить, а исправить, увековечить и повсеместно распространить частную собственность.

В полемике с противниками, обвинявшими его в противоречиях и разоблачавшими реакционный характер его пропаганды, Прудон, отвечая своим обвинителям, между прочим, писал: «Другое противоречие. После того, как я заявил: собственность это кража, я выступил, по-вашему, в качестве защитника собственности. Если вы подразумеваете под этим то, что я отвергал всякое материальное посягательство на собственность, как ведущее к нарушению общественного порядка и противоречащее экономической реформе, вы были правы. И я не только этого не

скрываю, но я этим горжусь...¹⁾. А отвечая Делеклюзу (Peuple, 29 дек. 1848 г., № 41), Прудон ставил точку над *i* и прямо заявлял: «Теперь всем известно, что отрицание собственности является для нас синонимом ее отставания и усовершенствования в том самом смысле, в каком ее определяли гг. Тьер и Ламарти» (Mélanges, т. I, 251). Достаточно одной ссылки на этих двух столпов буржуазной собственности, чтобы верно оценить истинный дух Прудоновских теорий.

В 1848 году Прудон выставил свою кандидатуру в Учредительное Собрание на выборах в Париже. При этом он опубликовал «Революционную программу», где, обращаясь к избирателям Сенского департамента, раскрыл истинную сущность своей системы. Напомнив, что это он сказал: собственность есть кража, он спешит пояснить, что он такой же сторонник собственности, как и всякий буржуа. «Вас это, пожалуй, удивит, но мой принцип тот же, что и ваш, а именно, сама собственность. У меня нет других символов и других принципов, как принципы Декларации прав человека и гражданина: свобода, равенство, безопасность, собственность... Собственность (это) право свободно располагать своими доходами, плодами своего труда и промысла. И он справедливо заключает: «Это, конечно, не коммунизм. Это не правительством Мехмета-Али. Это не диктатура. Это не вмешательство государства во все социальные функции, вплоть до семьи. Это не из Бабефа, не из Сен-Симона и не из Фурье, а это вера Франклина, Вашингтона, Лафайета, Мирабо, Манюэля, Казимира Перье, Одиллона Барро, Тьера»²⁾. Вот каких идейных родоначальников и единомышленников своих упоминает сам Прудон. Отвергая Бабефа, Сен-Симона и Фурье, он чванится своим духовным родством с Казимиром Перье и Тьером! И все дело в том, что здесь мы имеем дело не с лицемерными заявлениями в погоне за голосами избирателей, а с искренним исповеданием веры.

В манифесте, напечатанном в пробном номере (2-го сентября) газеты «Народ», которую Прудон начал издавать осенью 1848 г., он говорит: «Мы хотим собственности,—собственности, т.-е. свободного распоряжения каждым плодами своего труда, своего про-

¹⁾ Из ответа редактору „La Révolution démocratique et sociale“, помещенному 5 декабря 1848 г. статью „Прудон и Кавеньяк“, в коей разоблачались влияния Прудона (A. M. le redacteur de la Révolution dém. et soc., Paris, №№ 19 и 20 газеты „Peuple“ от 6 и 7 декабря 1848 г.; см. Mélanges, т. I, 223).

²⁾ Напечатано в газете „Représentant du Peuple“, №№ 60, 61, 65 от 31 мая, 1 и 5 июня 1848; см. Mélanges, т. I, 43—46.

мысли и своего ума. Но мы хотим собственности, как и труда, для всех... Мы хотим собственности без ростовщичества. Мы хотим сохранения принципа наследования, т.е. естественной передачи отцом сыну орудий и продуктов труда, а не передачи монополии или сенъериального права» (*Mélanges*, т. I, 139). И здесь Прудон снова совершенно искренен: он не хочет сенъериального права, т.е. феодальных отношений, и монополии, т.е. крупно-капиталистических отношений, но он всецело стоит за принцип мелкобуржуазной собственности — вплоть до права наследования.

Но идеи имеют свою логику. Будучи ярким сторонником частной собственности и боясь, как огня, всякого «материального посягательства» на ее принцип, Прудон сплошь и рядом беспомощно отступал перед такими мерами, которые в сущности задевали интересы главным образом крупного капитала и способны были только облегчить положение мелкого товаропроизводителя или торговца. В этом отношении он делил судьбу того класса, который он представлял в литературе. Мелкая буржуазия, при всей своей вражде к крупному капиталу, который ее давит и экспроприрует, все-таки неспособна на решительную борьбу с этим капиталом, представляющим дальнейшее развитие того принципа, который лежит в основе ее собственного существования. Поэтому она, несмотря на все свои протестанские декларации, в истории всегда оставалась бессильной и рабски плелась за идеологом этого самого крупного капитала. С этой точки зрения весьма типично отношение Прудона к прогрессивно-подоходному налогу и другим аналогичным мерам. Наш грозный отрицатель собственности решительно высказывался против таких финансовых мероприятий и в этом вопросе вел себя, как настоящий идеолог даже не мелкого, а крупного капитала. Он рассуждал так: если прогрессивно-подоходный налог не будет отнимать у капиталистов весь капитал, то он будет обманом, «а если будет отнимать весь доход, то это будет конфискацией собственности, экспроприацией без предварительного вознаграждения и без всякой пользы для общества... Мы—социалисты, люди примирения и прогресса; мы не требуем ни реакции, ни аграрного закона. Мы не хотим налога на государственную ренту, потому что этот налог, подобно прогрессивному налогу, по отношению к рантье является просто-напросто конфискацией, а по отношению к народу компромиссом и обманом... Мы не хотим налога на наследства, потому что этот налог также представляет нарушение собственности, а так как собственность представляет конституционное право, всеми признанное, то в ней необходимо уважать желание большинства, и потому, что это было бы посягательством на семью... Мы социалисты, а не охотники за

наследствами. Мы не хотим налога на предметы роскоши... Мы социалисты, а не завистники... Мы хотим семьи... Мы хотим собственности, но только введенной в законные пределы, т.е. заключающейся в свободном распоряжении плодами своего труда, собственности без ростовщичества»¹⁾.

Вот как следует понимать Прудоновскую критику собственности. Он (да и то с большими оговорками) напал на крупную собственность, на крупный промышленный и финансовый капитал, стиравший с лица земли основной класс старого докапиталистического общества, т.е. мелкую буржуазию, городскую и сельскую. Прудон оценивал общественные явления и строил свою социальную программу с точки зрения и в интересах этого мелкобуржуазного класса. Уже по тому одному он не мог быть принципиальным отрицателем частной собственности²⁾. И только те, кто подобно Марку Волохову, знают из Прудона одну его голую фразу: собственность есть кража,—могут считать Прудона потрясателем основ, коммунистом или социалистом в современном смысле слова. Сам Прудон никогда не называл себя коммунистом, если же он иногда говорил о себе, как о социалисте, то не следует забывать, что в 40-х годах XIX века социалистами, в отличие от коммунистов, принципиально отрицавших частную собственность и стоявших за собственность коллективную, назывались как раз умеренные общественные реформаторы, не вышедшие из рамок существующих частно-собственнических отношений.

Мелко-буржуазная сущность Прудона выражается в его отно-

шении не только к принципу собственности, но и к непосредственной плате, рабочего дня, ассоциации и коалиции. Уже в своей выше цитированной «Революционной Программе», обращенной к парижским избирателям, Прудон выдвинул замечательное положение: «Чем ниже падает заработная плата, тем богаче становится работник»³⁾. Совершенно ясно, что так относиться к вопросу мог только представитель мелкой буржуазии, для которой вопрос о высоте заработной платы является еще более чувствительным, чем даже для крупного капиталиста, более склонного идти на уступки своим рабочим. В «Решении социальной проблемы» (стр. 98—99) Прудон пишет: «Рабочий, обманутый социалистическими деклама-

¹⁾ Штирнер по этому поводу правильно заметил, что „Прудон отрицает ту или другую собственность, но не собственность вообще“. („Единственный и его достояние“. Москва 1907, стр. 234).

²⁾ „Manifeste électoral du Peuple“ („Peuple“, № 4 от 8—15 ноября 1848 г.). См. *Mélanges*, т. I, 187—191.

³⁾ См. „Idées Révolutionnaires“ (!), Paris, 1849, стр. 81.

циями и ложными политическими доктринами, увлекаемый вдобавок примером капиталиста и буржуа, ищет, под предлогом образования, счастья в отдыхе. Он не знает той основной истины (!) социальной экономии, что в труде обретет он знание». Вот тот решительный аргумент, который Прудон может привести против стремления рабочих к сокращению рабочего дня. Это уже не дурно, но вот столь же глубокомысленное возражение против стремления к повышению заработной платы: «Он (рабочий) требует высокой платы, больших доходов, подобно рантье, подобно монополисту, подобно собственнику. Он не знает, что повышение заработной платы составляет основную причину нищеты». — Прудон забывает только сказать, чьей нищеты (Ib.).

Мы видим, таким образом, что дух, стремления, надежды и чаяния современного рабочего класса остались совершенно чужды Прудону: он их не видит, не понимает, а если и замечает, то им совершенно не сочувствует. Даже ассоциацию, которая в то время была боевым лозунгом рабочего класса, он допускает лишь как средство укрепления собственности. Вообще Прудон осуждал ассоциацию, не усматривая в ней никакого творческого начала — и это совершенно понятно, если припомнить, что он считал этот принцип опасным для класса мелких самостоятельных производителей и торговцев. И он соглашается допустить принцип ассоциации лишь на том условии, чтобы последний не противопоставил себя индивидуализму мелкой буржуазии, а служил ему и укреплял его. «Промышленные и земледельческие ассоциации, в которые входят и рабочие ассоциации, где они могут с пользой образоваться, имеют целью не заменить личную инициативу общественной деятельностью, как безрассудно думали в 1848 году, а обеспечить всем предпринимателям мелкой и средней промышленности, равно как мелким поземельным собственникам, пользование изобретениями, машинами, улучшениями и приемами, при иных условиях недоступными для небольших предприятий и состояний. Нападать на индивидуализм, как на врага свободы и равенства, как это воображали в 1848 году, это значит не обеспечить свободу, которая имеет по существу, чтобы не сказать исключительно, индивидуалистический характер; это значит не положить основу ассоциации, которая ведь состоит только из индивидуумов; это значит вернуться к варварскому коммунизму и к феодальному рабству; это значит одновременно убить и свободу и личность»¹⁾. Мы видим таким образом, что Прудона никак нельзя отнести к родоначальникам рабочей ассоциации; самое большее —

¹⁾ „Théorie de la propriété suivie d'un nouveau plan d'exposition universelle“ Paris, 1871, стр. 183.

его можно признать одним из отцов мелкобуржуазной ассоциации, состоящей в объединении мелких капиталистов для использования выгод крупной торговли и кредита.

Столь же характерно отношение Прудона к коалиции и забастовкам. Коалицию он признает чем-то дурным по существу. Коалиции рабочих вызывают, в виде естественного отпора, коалиции хозяев, а в борьбе между коалициями рабочих и капиталистов всегда страдают «интересы более высокого порядка, я разумею реализацию права в социальном организме»¹⁾ (ниже мы увидим, что под этими нарочито пышными и туманными словами скрываются просто-напросто интересы мелкой буржуазии). Ум его настолько связан с самыми отсталыми буржуазными представлениями, что он не может представить себе коалиции иначе, как в форме чего-то противозаконного и нарочито революционного. Он доходит в этом отношении до того, что отрицает за рабочими всякое право на коалиции. Еще в «Экономических противоречиях» основатель анархизма договаривался до таких филистерских пошлостей: «стачка рабочих нелегальна, и об этом говорит не только уложение о наказаниях, но и вся экономическая система, а равно необходимость установленного порядка... Можно допустить, чтобы каждый отдельный рабочий свободно распоряжался своей личностью и своими руками; но общество не может допустить, чтобы рабочие, при помощи коалиций, совершали насилия над монополией». И через 20 лет в своей последней работе «О политической зрелости рабочего класса», изданной после его смерти, Прудон остался на прежней точке зрения. Несмотря на то, что эта книга вызвана была вновь начавшимися политическими выступлениями французского пролетариата²⁾, который к тому времени начал выходить из латаргии, наступившей после реакции 50-х годов, несмотря на то,

¹⁾ „Capacité politique des classes ouvrières“. Стр. 412.

²⁾ Речь идет о движении в пользу выставления так наз. „рабочих кандидатур“, знаменовавших разрыв рабочих с буржуазным либерализмом. Некогда, как мы видели, Прудон рекомендовал рабочим политическое воздержание в надежде, что они примут его социальную утопию дарового кредита и мутуэлизма. Теперь он готов пойти на компромисс и допустить политические выступления пролетариата, но на условии, чтобы последний, порывая с крупной буржуазией, пошел на буксире мелкой и не посягал на ее интересы (см. ниже). Теперь он уже не нападает так резко, как прежде, на всеобщее избирательное право и на этот раз подробнее развивает высказанную некогда мимоходом мысль о том, что практика всеобщего избирательного права ведет к равенству и в экономической области: „В демократии...—говорит он, протесту против требования либералами в Бельгии образовательного ценза,—избирательное право неразрывно связано с званием человека и гражданина, подобно праву собственности, праву наследования, праву завещания, праву труда, праву выступления на суде, праву ассоциации, праву покупки и продажи, праву стройки, праву

что в это время уже основался Интернационал, Прудон попрежнему совершенно не понимал задач и духа современного рабочего движения, попрежнему оставался с ног до головы мелким буржуа, может-быть, и благожелательно настроенным по отношению к трудящимся и угнетенным, но по своему мещанскому доктринерству договаривавшимся до самых нелепых утверждений.

После целого ряда путанных абстрактных рассуждений он приходит к тому выводу, что углекопы, устраивая коалиции в 1845 г., «нарушали закон, закон социального порядка и высокой социальной морали»¹⁾. Перед тем, как объявлять забастовку, они, по мнению Прудона, должны были предварительно основать законным порядком компанию для разработки угольных копей, подобно своим хозяевам, а когда они, вместо этого, провозгласили стачку, Прудон говорит: «Без этого условия рабочие могли быть признаваемы только скопищем бунтовщиков, которых никакая легальная форма не охраняла от преследований, и против которых правительство должно было, хотя бы и против своей воли, принять самые суровые меры»²⁾. Применяя метод коалиции, рабочие сбнаруживают просто невежество, неприспособленность, неумение обращаться с законными формами: вот что ставит их в невыгодное положение и обуславливает «строгости правительства против их безумных восстаний» (Ib., 412). При этом он напоминает французским рабочим, что еще в «Экономических противоречиях», т. I, гл. VI, 1845 г., он писал, что, «власти, приказавшие стрелять в углекопов Рив-де-Жири, были глубоко несчастны. Но они действовали, подобно древнему Бруту, поставленному между отцовской любовью и консульским долгом: ему пришлось пожертвовать своими детьми для спасения республики. Брут не поколебался, и потомство не посмело его судить» (Ib., 413). Ни один из наемных

вступать в брак и рожать детей, подобно воинской повинности, обязанности платить налоги... Из принципа, бесспорного в демократическом обществе и государстве, что избирательное право присуще человеку и гражданину, вытекают следствия или, если угодно, короллари величайшего интереса. И прежде всего то, что с провозглашением политического равенства, осуществляемого на практике посредством всеобщего голосования, начинается тенденция общества к экономическому равенству* и т. д. („La charité politique des classes ouvrières“. Paris, 1856, стр. 268—269). И далее в той же книге он дает следующую оценку всеобщей подаче голосов: „Благодаря введению всеобщего избирательного права, народ в политической области поднялся на одно деление; буржуазия же, повидимому, опустилась в такой же пропорции“. (Ib., 415). Вот как на этого бесхарактерного политика действовали рабочие кандидатуры.

¹⁾ *Charité politique*, 411.

²⁾ *Ib.*, 410.

писак г-на Гизо не заходил, вероятно, так далеко в своих попытках обелить правительство мещанской монархии¹⁾.

Для Прудона, как для идеолога мелкой буржуазии, не было ничего ненавистнее, чем монополия. И потому можно представить себе, какими чувствами он был обуреваем по отношению к коалициям, если сравнивал их с монополиями: и те и другие он считал одинаково отрицательными и вредными для прогресса проявлениями современной экономической анархии. «Итак, идет ли речь о хозяевах или о рабочих, противоречие полное: оно заключается в том, что, с одной стороны, если стать на точку зрения экономической анархии или бесправия, отстаиваемую школою, защищаемую высшей и средней буржуазией и, по крайней мере, молчаливо признаваемую законодателем, коалиции, забастовки, действия скупщиков и монополии свободны и законны; с другой стороны, если стать на точку зрения общественной солидарности и справедливости (хороша справедливость, уподобляющая стачки монополиям!—Ю. С.), игнорировать которых никто не может, те же самые коалиции, забастовки, деяния скупщиков, игра на повышение и понижение незаконны по существу и подлежат преследованию» (Ib., 414).

Выше стачка сравнивалась с монополией, теперь Прудон сравнивает ее с ростовщичеством. В 1864 г. правительством Наполеона III, заигрывавшим с возрождающимся рабочим движением, издан был закон о свободе коалиций, отменявший статьи 414, 415, 416 уголовного уложения, т.-е. наказания за стачки. И в высшей степени замечательно, что наш «анархический» доктринер, ослепленный своей мещанской утопией, не только не приветствовал этого закона, но, напротив, самым решительным образом его осудил не за половинчатость,—что было бы вполне естественно,—а именно по существу. «Отныне,—с негодованием восклицал он,—свобода коалиций, свобода стачек, подобно свободе обмена, свободе роста, свободе труда, подобно всякой свободе делать или не делать, войдет в число прав человека и гражданина... Что коалиция представляет ассоциацию, как это заявляет г. Оливье, я охотно допускаю, но с условием, если вместе со мною признают, что эта ассоциация разрушительного рода, а потому всегда заслуживающая осуждения. В этом отношении политика и политическая экономия совершенно согласны» (Ib., 419—20).

Такова Прудоновская политическая экономия! С коалицией она ни за что не хочет примириться: «Это сообщество, направлен-

¹⁾ Все благоглупости Прудона относительно стачек впоследствии повторялись его последователями даже на конгрессах Интернационала (см. о реакционной роли прудонистов в Интернационале нашу книгу „Интернационал““ Петр., 1918, часть I).

ное против интересов публики (!) или государства» (Ib., 420). Вот до чего мелкобуржуазное доктринерство довело «безансонского мужика»: он уже отстал даже от бонапартиста Оливье. И с гордостью, с чисто маниакальной последовательностью он все-таки отказывается примириться с коалицией, с этим исчадием ада, восклицая! «Так нет же! не существует права коалиции точно так же, как не существует права шантажа, мошенничества и кражи, точно так же, как не существует права кровосмешения или прелюбодеяния» (Ib., 421). Для «идеолога пролетариата» это сказано несколько сильно!

В современном обществе, по мнению Прудона, единственным средством к восстановлению справедливой заработной платы служит свободная конкуренция. Мы еще не живем в мутуэлистическом обществе, т. е. обществе, построенном на началах Прудоновского мутуэлизма, обмена услуг, дарового кредита, очищенной собственности. «И вот почему, несмотря на свои тягостные неудобства, свобода или конкуренция—наша единственная гарантия—должна быть сохранена в неприкосновенности... Но какова же цель коалиций? Как раз разрушение коммерческой свободы, уничтожение конкуренции и замена ее—чем? принуждением!» Монополия есть принуждение, вынужденное понижение заработной платы—принуждение; но и повышение заработной платы путем забастовки, заставляющей хозяев подчиниться требованиям рабочих, есть такое же принуждение. «Во всех этих случаях мы имеем дело с нарушением коммерческой свободы, с уничтожением экономической гарантии». И, упреждая сиятельных лордов Англии, поднявших несколько лет тому назад поход на свободу коалиций, наш теоретик анархии пишет: «Закон, разрешающий коалиции, глубоко антиюридичен, антиэкономичен, противоречит всем основам общежития и всякому порядку. Всякая уступка, достигнутая с его помощью, неправомерна и недействительна и дает право на судебный иск и уголовное преследование» (Ib., 423—4).

Свобода коалиций особенно пугает Прудона потому, что с ее помощью рабочие будут добиваться повышения заработной платы, а, по его мнению, всякое понижение или увеличение заработной платы ведет к понижению или повышению цен на товары. «В этом пункте логика, право и экономическая наука совершенно согласны». Поэтому должно особенно строго преследовать коалиции, направленные к понижению или повышению заработной платы.

«Одним словом, свобода коалиций для повышения заработной платы подразумевает свободу коалиций для повышения цен на товары, съестные припасы, зерно, муку, напитки и пр., свободу скупок и монополий... С точки зрения конкуренции или же, что одно

и то же, коммерческой свободы, единственной гарантии справедливых цен и справедливой заработной платы, труд рабочих и товары хозяев не составляют различных категорий перед законом; они представляют одну и ту же категорию, подлежащую одинаковой справедливости» (Ib., 429). Он уговаривает передовых рабочих не добиваться повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. «Под угрозой забастовки одни—и таких большинство—требовали увеличения заработной платы, а другие—сокращения часов труда; некоторые же домогались того и другого сразу (какой ужас!—Ю. С.). Разве же вы давно уже не знаете, что повышение заработной платы и сокращение рабочего дня могут повести только к общему вздорожанию?» (Ib., 433—4).

Мало того, рабочие не только добивались повышения заработной платы, но и ее уравнивания в различных цехах. Прудон объявляет это стремление печальной отрывкой Люксембурга, грустным коммунистическим заблуждением. Он пугает рабочих, что французские хозяева, недовольные высокой заработной платой, закроют свои фабрики и прогонят наиболее спокойных служащих (для него это самые дурные) и оставят лишь самых послушных (для него это равносильно лучшим!!) (Ib., 436).

Вот что Прудон говорил рабочим в своем предсмертном и посмертном произведении, которое один историк называет его завещанием французскому пролетариату¹⁾. Это было бы абсурдно и дико, если бы на последней странице книги вдруг не раскрылась затаенная мысль Прудона, вдруг не проскользнули его заветные чувства, объясняющие нам; к чему он стремился всю свою жизнь, о чем вечно хлопотал и чего хотел.

«Я сказал и повторю: в настоящий момент для среднего класса создается роковое положение... Не кажется ли вам, что со всех сторон работают с каким-то фанатизмом над делом разрушения этого среднего класса, в недрах которого трудовая демократия, более здраво настроенная, заявляла год тому назад о своем намерении целиком раствориться; не кажется ли вам, что его хотят низвести на уровень наемных рабочих?.. Рабочие не замечали ничего, кроме своего собственного горя; они и не подозревали о буржуазной беде. Сделавшись, благодаря закону о коалициях, пособниками капиталистической аристократии против мелкой промышленности, мелкой торговли и мелкой собственности, они в 1869 г. будут несомненно голосовать за кандидатов администрации; это будет логично. Свобода коалиций, свобода ростовщичества, свобода торговли потребуют с их стороны этого доказательства преданности е

1) А. Тома.—«История Второй Империи». СПб., 1908, стр. 235--6.

ущерб их естественным союзникам (N. V.). Пусть, однако, они подумают о следующем: не такими противоречивыми поступками они станут во главе цивилизации и преобразуют общество. Не рабским подчинением фантазиям контр-революции они возбудят веру в могущество своей идеи, а политическая зрелость поднимется на высоту экономической науки» (Ib., 437).

В этих словах, которыми кончается последнее произведение Прудона, он сказался весь целиком. Самостоятельных задач рабочего класса он никогда не понимал, а стремлениям его, если только эти стремления не направлены были к созданию новых мелких буржуа, он никогда не сочувствовал. Главной целью всей его литературной и практической деятельности было упрочение экономических позиций мелкой буржуазии и увековечение мелкой частной собственности. С этой точки зрения он и оценивал все явления социально-политической жизни. Характеризуя свою 25-летнюю литературную деятельность, он правильно заметил: «Что бы там ни говорили, у меня не было глубоко враждебной мысли ни против института собственности, к которой я искал ключа, ни против класса собственников. Я требовал лучшего оправдания установленного права—и делал это в целях упрочения, а если возможно, то и преобразования... Меня называли разрушителем... Теория, которую я вам предлагаю, имеет целью показать вам, как положить, если вы этого хотите, конец революциям. Дело идет просто о том, чтобы облегчить не-собственникам приобретение собственности, а собственникам дать возможность лучше исполнять свои обязанности перед правительством» (Théorie de la propriété. Paris, 1871, стр. 213—219). И эти слова глубоко справедливы.

При всей своей склонности к резким словам Прудон всегда был мирным легалистом (что, между прочим, и было одной из причин расхождения с ним Маркса). «Я хочу мирной революции,—заявляет он,—но хочу ее быстрой, решительной, полной» (Idée générale, 181). «Социализм,—говорит он в другом месте,—для нас то же самое, чем был для Гракхов аграрный закон: он может осуществиться лишь путем легальности, путем уважения к приобретенным правам и конституции. Если он позволит себе увлечься политической агитацией, если он утратит характер учреждения и примет правительственный характер, если он вздумает добиваться своего осуществления посредством диктаторской власти, он поведет лишь к общественным смутам и возбудит против себя бесконечную реакцию. Нарушив право собственности, он повлечет за собою разложение страны и вызовет европейское замешательство» (Confessions, 303). Пресловутая «социальная ликвидация» должна была по плану Прудона производиться на началах выкупа и вознагра-

ждения собственников (Idée générale, стр. 203 и сл.). Прудон даже протестует против предположения, будто он склонен к «крайним мнениям»¹⁾, и неоднократно заявляет, что он всецело стоит за «идею примирения» (Ib., 214). И он был в этом отношении совершенно искренен. Он не устает повторять, что всякая революция для своего успеха должна быть закономерной, законной и мирной (légitime, légale et pacifique). В этом отношении чрезвычайно характерны его статьи в газете «Le Peuple» за 1849 год, перепечатанные во втором томе *Mélanges* (Proudhon, *Oeuvres complètes*, т. II, стр. 14 и сл., изд. 1869 г.). «Все революции совершались легальным путем», — уверяет он (Ib., 209) и протестует «против всякой мысли изменить конституцию и осуществить социалистические идеи нелегальным путем» (Ib., 210). Он умоляет Ледрю-Роллена, тогдашнего руководителя демократической левой, не сходить с конституционной почвы (Ib., 202) и все неудачи 1848 г. приписывает революционной агитации, мятежным выступлениям и крайним заявлениям (Ib., 203—204).

Прудон был сознательным представителем мелкой буржуазии, и его идеал, его «решение социальной проблемы» были не чем иным, как попыткой увековечить «свободу» мелких самостоятельных производителей. Этой цели и должна была служить его социальная ликвидация, его анархия, его народный банк с безвозмездным кредитом, его борьба с коммунизмом, с коалициями, с забастовками, с вмешательством правительства в экономическую жизнь и т. д., и т. д. Только с этой точки зрения становятся понятными его шатания, его противоречия, зачастую только кажущиеся, но во многих случаях совершенно естественные для идеолога промежуточного и вечно колеблющегося класса. Да Прудон, как мы видели, и сам не скрывал своей действительной физиономии. Стараясь вскрыть истинный смысл февральской революции 1848 г., во круг которой в сущности вертятся все его представления, он прямо говорил: «Растворить буржуазию (под этим словом Прудон понимает здесь крупную буржуазию.—Ю. С.) и пролетариат в среднем классе; класс, живущий доходами со своих капиталов, и класс, живущий своей заработной платой, в классе, который, собственно говоря, не имеет ни доходов с капитала, ни заработной платы, но который изобретает, предпринимает, ведет хозяйство, производит, обменивает, который один составляет экономию общества и дей-

¹⁾ „Qui dit donc révolution, dit nécessairement progrès, dit par là même conservation“ (из „Toast à la Révolution“, *Peuple*, 17 октября 1848 г., см. *Mélanges*, I, 143). Мысль, напоминающая рассуждения Н. Михайловского о программе русских народников. Вообще влияние Прудона на Михайловского и других русских народников ждет еще своего исследователя.

ствительно представляет страну,—такова была истинная задача, выдвинутая февральской революцией» (Révolution sociale etc., 1852, стр. 135).

Была ли такова задача, выдвинутая февральской революцией, это, конечно, большой вопрос, но что такова была задача жизни Прудона, это не подлежит никакому сомнению. И с этой точки зрения, он, при всех своих виляниях, колебаниях и противоречиях, в конечном счете оказывается весьма последовательным и выдержанным писателем.

VI.

Прудоновское наследство.

После всего вышеизложенного читателю должно показаться странным, каким образом хотя бы ничтожная часть рабочего класса могла признать в Прудоне своего идеолога, как это, например, случилось во Франции ¹⁾. Это на первый взгляд крайне парадоксальное явление объясняется сплетением целого ряда причин. Во-первых, Франция, Италия, Испания, отчасти романская Швейцария, когда там распространением пользовались анархические взгляды, были (особенно в 60-х и 70-х годах) странами отсталыми в экономическом отношении, с слабым развитием крупной промышленности и с господством класса мелких производителей. Этим объяснялось и в значительной мере объясняется до сих пор то влияние, которым

*) Правда, у Прудона попадаются иногда заявления, в которых при желании можно усмотреть зародыши синдикалистских воззрений, но только в самом рудиментарном виде. Так, в избирательном манифесте газеты „Народ“ накануне президентских выборов („Peuple“, № 4, 8—15 ноября 1848 г.), где он распинался за собственность и спорил против налогов на крупный капитал (см. выше), Прудон, между прочим, писал: „Мы не хотим государственной эксплуатации шахт, каналов и железных дорог: это будет все той же монархией, все тем же salariатом. Мы хотим, чтобы шахты, каналы и железные дороги были переданы рабочим ассоциациям, организованным на демократических началах и работающим под надзором государства на условиях, установленных государством, и под своею собственною ответственностью. Мы хотим, чтобы эти ассоциации были образцами для земледелия, промышленности и торговли, пёвым ядром широкой федерации компаний и обществ, объединенных в общей системе демократической и социальной республики“. Но во-первых, таких заявлений у Прудона очень мало, и притом они решительно противоречат общему духу его системы. А во-вторых, в данном случае он, вообще враждебно настроенный к принципу ассоциации, идет на компромисс в виду намечавшегося соглашения с социалистами на предстоявших выборах. Вдобавок, как читатель, наверно, заметил, Прудон готов отдать ассоциациям лишь такие отрасли промышленности, которые абсолютно не уместаются в рамках индивидуалистического производства (См. Mélanges, т. I, стр. 189).

в этих странах пользуется мелкобуржуазная идеология, даже и в среде пролетариата. В таких странах пролетариат сравнительно поздно приходит к самосознанию, к выставлению собственных задач и к выработке собственных методов действия. И даже тогда, когда он к этому приходит, у него не хватает сил, чтобы добиться осуществления поставленных себе целей. Это создает в нем озлобление, недоверие к государству, на которое он не в силах наложить свою руку, недоверие к демократии, которую он не может использовать в своих интересах, недоверие к всеобщему избирательному праву, которым он по своей относительной малочисленности не в состоянии воспользоваться как орудием своего освобождения, и т. д. Одним словом, создается психологическая почва для восприятия Прудоновской критики государства, демократии и всеобщего избирательного права, той критики, которая исходит из слабости рабочего класса и которая поэтому находит отклик в сознаниях своих бессильных слоев пролетариата.

При всем том анархические идеи Прудона в той оболочке, какую они получили у него самого, не могли бы встретить сочувственного отклика в душе крайне революционно-настроенного романского рабочего. Для того, чтобы они стали удобоваримыми для озлобленных пролетариев, они должны были подвергнуться радикальной переработке. Эту задачу выполнило анархическое крыло Интернационала, которое, под руководством Бакунина, Гильома, а впоследствии Кропоткина, Малатесты, Косты и Кафiero, сумело приспособить антигосударственные идеи Прудона к запросам и потребностям некоторых групп рабочего класса. При этом от Прудона осталась лишь его критика государственности и стремление решить социальный вопрос помимо государства; все же, что было специфическим Прудоновским и отличало его систему от других утопических систем (стремление увековечить мелкую собственность и создать мелкобуржуазный идеальный строй с помощью дарового кредита, его борьба с идеей ассоциации и самостоятельности рабочего класса и т. п.), подверглось полному устранию. Напротив, введен был чисто пролетарский элемент в виде идеи профессиональной организации, борьбы за экономические лозунги с помощью ненавистной Прудону коалиции и, наконец, как венец системы, идея всеобщей забастовки, от которой кости Прудона должны были повернуться в гробу.

Анархическая пропаганда, почти заглохшая со второй половины 70-х годов и повсюду вытесненная социал-демократией, сумела с конца прошлого века приобрести новые силы, удачно приспособившись к профессиональному движению пролетариата романских стран, порвавшего связи с социалистической партией. Из

взаимопереплетения анархизма и профессионализма возник революционный синдикализм, в котором под толстым наносным слоем все таки можно при тщательном анализе разглядеть значительную дозу Прудоновских идей. Еще недавно казалось, что это наследие Прудона не представляет серьезной опасности, и что постепенно он будет окончательно изглажено под влиянием потребностей жизни и действительности. Но нынешняя мировая война, насколько можно судить по имеющимся отрывочным данным, уже дает возможность старым ненавистникам марксизма говорить о его «банкротстве» о предстоящем возрождении «романского социализма», якобы более активного и последовательного. Вот в чем нельзя не усмотреть самой серьезной опасности для рабочего движения, и всякий, кто дорожит его теоретическими завоеваниями и практическими успехами, достигнутыми с таким трудом и в значительной степени по знаменем борьбы с пережитками прудонизма, должен обратить свое серьезное внимание на возможность воскресения этого, казалось бы, давно похороненного и забытого мертвеца. И вот почему критика прудонизма перестает иметь чисто академический характер, а приобретает значение самой жизненной и злободневной задачи.

О Прудоне и прудонизме:

Н.Застенкер. Прудон и февральская революция 1848 г.

Н.Застенкер. Прудон и его “банк обмена”

Н.Застенкер. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом манифесте»

Ю.Стеклов. Прудон отец анархии

В.Смирнова. Критика Ф.Энгельсом взглядов П.-Ж.Прудона

и его борьба с прудонизмом в международном рабочем движении

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm